

**Специальный
выпуск**

понедельник **среда** пятница

Во имя Великой Победы сотрите надпись
«Можем повторить!». Самой мысли
о возможности любой новой войны
нет места ни в праздники, ни в будни

**НОВАЯ
газета**

№ 49 (2914) 08.05.2019 г.

НИКОГДА БОЛЬШЕ

Грозный, 1999 год. Фото: **Олег НИКИШИН**

Следующий номер
«Новой газеты» выйдет
в понедельник, 13 мая

Кирилл
МАРТЫНОВ,
«Новая»

Никогда больше

Во имя Великой Победы
сотрите надпись
«Можем повторить!».
Самой мысли
о возможности любой
новой войны нет места
ни в праздники,
ни в будни

Если твердить
людям,
что стремиться
к достойной
жизни скучно,
то предложение
умереть
за какую-нибудь
идею, заодно
прихватив
с собой весь
мир, перестает
восприниматься
как безумие

Несколько лет назад накануне больших выборов я спросил у известного российского политика демократических взглядов, почему он не поднимает лозунг «Нет войне!». Эти слова могли бы стать после 2014 года главными для оппозиции, но шок и эйфория от крымской авантюры, похоже, оказались тогда слишком сильными для всего нашего общества. Присоединение новых территорий казалось беспроигрышным способом повысить рейтинги политиков, поэтому почти все оппоненты нынешней власти вынуждены были либо прямо приветствовать происходящее, либо смириться с тем, что для пацифизма сейчас неподходящее время. Страна нуждалась в больших идеях, так что с развитием нормальных отношений с соседями можно было повременить. Лозунг «Нет войне!» зазвучал из уст десятков и сотен активистов, но не стал своим для миллионов.

Эйфория закончилась, рейтинги начали падать. Все, что осталось от «крымской весны» через пять лет, — это ощущение, что война возможна. Именно в реальность войны страна вкладывала свои ресурсы в последние пять лет. Ради нее мы пожертвовали и экономическим развитием, и настоящей исторической памятью, неизменно более сложной, чем сталинские, брежневские или нынешние агитки. Россия втянулась в новый затяжной конфликт с Западом, не имея для этого ни средств, ни жизненных причин. Давно нет Советского Союза, но россиянам, набравшим кредитов и привыкшим смотреть американские фильмы в мультисалонных кинотеатрах, каким-то образом удалось внушить, что мы живем в кольце врагов.

Психологическая реальность войны, ее присутствие в повседневном опыте и обыденных разговорах предполагает, что мы обречены определять себя через великое прошлое. Там — наши победы и наши праздники, в мирном настоящем, напротив, лишь скучная повседневность. О будущем и вовсе лучше не задумываться. Нормальная жизнь в любом случае не выдержит сравнения с героическими сагами. Если твердить людям, что стремиться к достойной жизни скучно, то предложение умереть за какую-нибудь идею, заодно прихватив с собой весь мир, перестает восприниматься как безумие.

9 Мая, объективно главная дата для нашего народа, пережило за последнее десятилетие страшную трансформацию. Из института памяти День Победы превратился в источник воинственных заклинаний, обращенных к неопределенному числу врагов. Все, что придумано обычными людьми, нашими современниками, чтобы отдать дань погибшим в войне, перерабатывается в пищу для военной пропаганды. С каждым годом все длиннее и толще наши георгиевские ленточки. Официознее и роскошнее шествие «Бессмертного полка». Ежегодный военный парад, аналога которому нет ни в одной стране мира, становится все более циклопическим и зловещим.

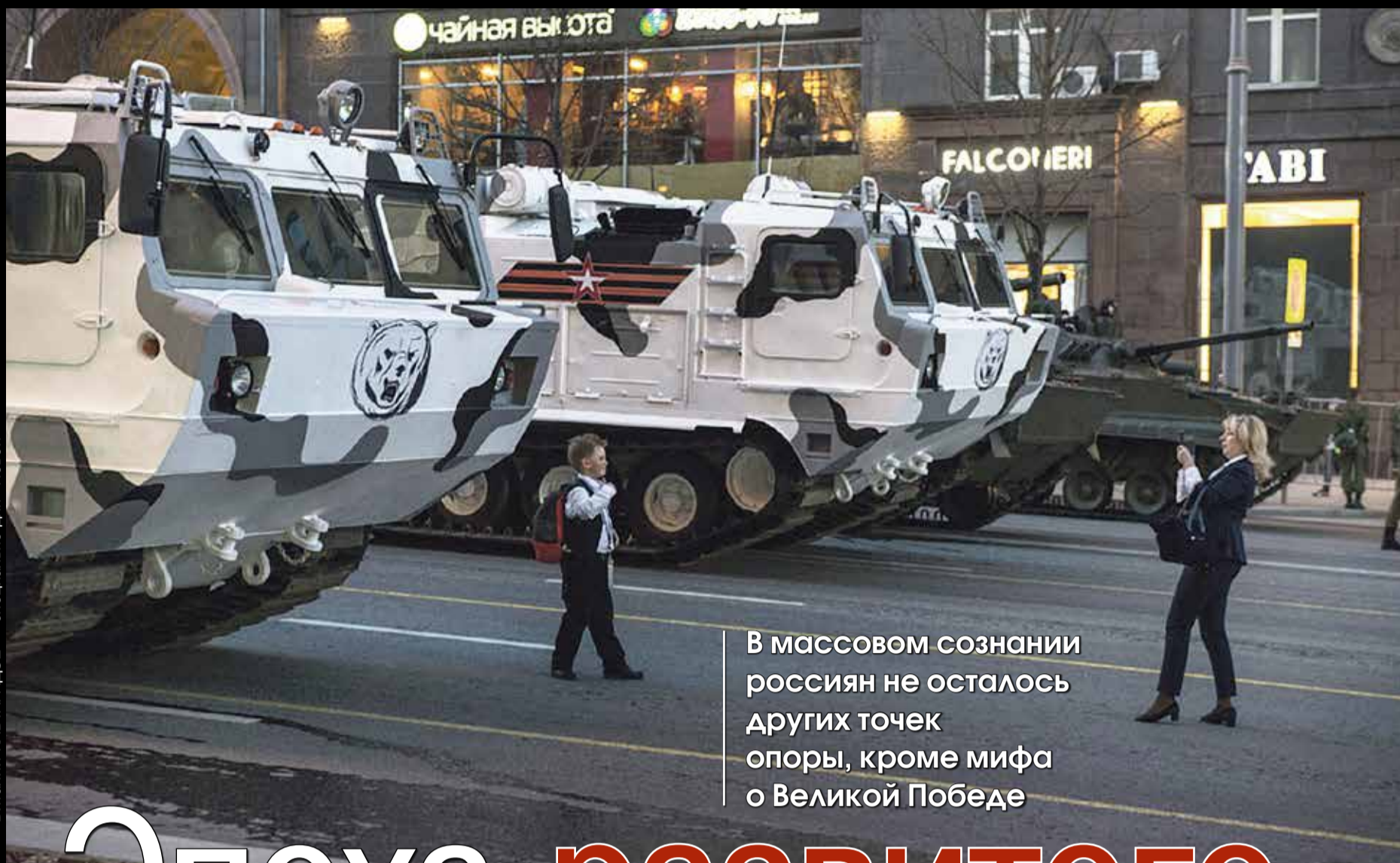
Вторая мировая война была самым трагическим событием в истории человечества. Значительная часть этой трагедии пришлось на наши семьи — российские, но также украинские, белорусские, казахские — полный список был бы длинным. Наш долг перед ними заключается в том, чтобы развернуть вспять машину военной пропаганды. Пусть парады будут скромнее, зато у людей появится будущее. Пусть станет меньше великих геополитических побед, но меньше и нищих стариков.

Императив «никогда больше» придуман не нами и не вчера. Но, спустя пять лет после начала российской военной лихорадки, мы лучше понимаем его смысл. «Никогда больше» означает, что мы, граждане России, должны добиться нормализации отношений с Украиной. «Никогда больше» означает, что мы должны помнить, что война несет с собой страдания и смерть. «Никогда больше» означает, что мы не должны поддерживать тех, кто готов использовать оружие как политический аргумент.

России нужно антивоенное движение, соразмерное ее исторической роли, и жители больших городов, особенно молодежь, уже разделяют ценности этого движения. Небывалого притока добровольцев у дверей российских военкоматов не наблюдалось в 2014 году, не наблюдается и сегодня. После страшного XX века россияне уже немного привыкли к мирной жизни и, кажется, не спешат снова примерять хаки. Нам осталось понять, что пассивного сопротивления военщине сегодня уже мало. Нужен ответ общества на милитаризацию России.

Большинство стран, в которых люди могут свободно выбирать свою жизнь и своих политиков, хорошо знают, что такое массовое антивоенное движение. Философ Бертран Рассел был осужден властями Великобритании за выступления против передачи Лондону ядерной бомбы. Индия получила свободу в результате пацифистских кампаний Ганди. Современное американское общество возникло в результате борьбы граждан за право не отправлять своих юношей во Вьетнам. За пацифизмом стоит великое искусство — от Хемингуэя и Гашека до Воннегута, от Чаплина до Кубрика. В России военной империи бросали вызов Лев Толстой, а затем академик Сахаров. Можем повторить.

Наш долг
заключается
в том, чтобы
развернуть вспять
машину военной
пропаганды. Пусть
парады будут
скромнее, зато
у людей появится
будущее

Виталий Кавтарадзе — специально для «Новой»

В массовом сознании
россиян не осталось
других точек
опоры, кроме мифа
о Великой Победе

Эпоха развитого милитаризма

Лев ГУДКОВ,
«Левада-центр»,
специально
для «Новой»

Сегодня никто уже не помнит этого замечательного марша: «Артиллеристы, Сталин дал приказ...», запечатлевшего «правильную», утвержденную властью, версию войны. «Из сотен тысяч батарей за слезы наших матерей, за нашу Родину — огонь! Огонь!» Огонь к концу превращается в салют в честь вождя.

Победа в войне 1941–1945 годов, по мнению россиян, — главное событие мировой истории. С уходом из жизни поколения фронтовиков и ветеранов, не понаслышке знающих, что такое война, мифология Победы приобретает с каждым годом все большее значение.

9 мая — опорный символ национальной идентичности в нынешней России, основа коллективной гордости и самоуважения, моральный капитал режима. Это наша Победа, мы не хотим делить ее ни с кем другим. От 60 до 70% россиян убеждены, что «мы» (брежневское и последующие поколения!) победили бы фашистов и без помощи союзников.

В общественном сознании практически стерлась память о тяжести военных будней, крови, страхе, голоде, бездомности, грязи, каторжной работе мобилизованных, о миллионах пленных и покалеченных. Их вытеснило парадное славословие по праздникам и телевизионные картинки компьютерных сражений. Если в конце 1980-х — начале 1990-х годов огромные цифры

погибших, как военных, так и гражданского населения, не поддающиеся воображению и осмыслению (официально 27 миллионов, некоторые историки говорят о более чем 40 миллионах), общественное мнение связывало с неподготовленностью к войне, с репрессиями среди командования Красной армии, с тем, что жизнь солдат в глазах генералов мало что стоила, то, начиная с середины 2000-х годов, после празднования 60-летия Победы объяснения неудач первых лет войны и военных потерь вернулись к советским версиям: внезапности нападения Гитлера и жестокости фашистов. Обезличенные, обезчелоченные цифры потерь придают как бы особый, сакральный смысл цене победы в войне, возвышая принесенные народом жертвы.

В 1960–1970-е годы самыми важными вопросами в дискуссиях о войне были: какова цена войны, каковы ее причины, как связана война с природой тоталитаризма, какова мера ответственности советского руководства за ее развязывание и поражения первых лет? Сегодня большинству россиян (особенно молодым) это неинтересно. В публичном пространстве эти темы табуированы, война превращена в священный символ величия Русской державы, не подлежащий сомнению и анализу. Еще вчера бывший фронтовик мог с полным правом говорить «нам нужна одна победа, мы за ценой не постоим», сегодня от этого осталось смутное понимание — «цена их не интересует, за ценой они не постоют».

Идущая милитаризация массового сознания не осознается российским обществом. Прошлая война

От **60 до 70%**
россиян убеждены, что
«мы» (брежневское
и последующие поколения!)
победили бы фашистов
и без помощи союзников

перекрывает нынешние. Из 27 лет своей постсоветской истории 19 лет Россия вела и продолжает вести ограниченные войны: 3,5 года первой чеченской войны, 9 лет — второй, 3,5 года — в Сирии, 5 лет гибридной войны на Украине («мелкие» случаи использования войск вроде 1993 года или регулярных КТО не в счет). Заметного внутреннего сопротивления или критики такая политика не вызывает, как нет и чувства вины за десятки тысяч отнятых жизней.

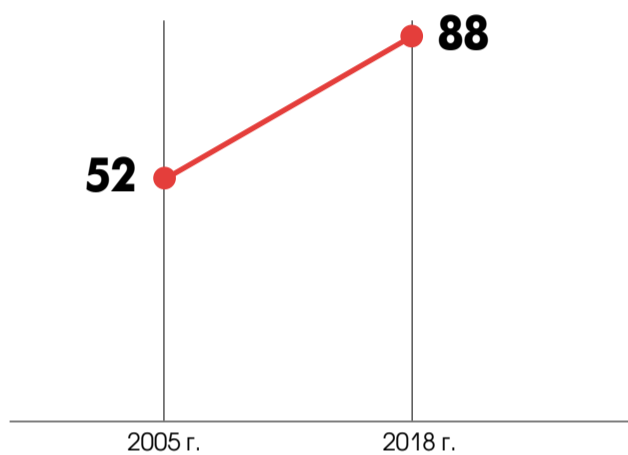
Начиная с 2004 года русский патриотизм (национальная гордость) слился с представлениями о нашей военной мощи, обеспеченной обладанием ядерным оружием, способным уничтожить все живое. В общественном мнении утвердилось убеждение, что в мире «нас уважают, потому что боятся». Других оснований для авторитета России в мире не осталось. Победа и военная мощь превратились в важнейшие основания легитимности российского авторитаризма.

За это время изменился и сам смысл, который вкладывается в понятие «великая держава». Если в 90-е годы и даже в первой половине 2000-х годов россияне связывали с этим прежде всего представления о развитой экономике, о высоком уровне благосостояния населения, общепризнанных в мире достижениях науки и культуры, то к сегодняшнему дню от этого остались лишь «очень большая территория», «природные богатства» и «военная мощь», слава русского оружия. Космос, наука, русская литература, достижения социализма и многое другое, что очень высоко оценивалось в нашей истории, сегодня теряют свой символический вес. Значение «армии» в этом контексте год от года все растет. Парадокс заключается в том, что почти все войны, которые вела Россия в XX веке, большинством россиян признаются несправедливыми — и японская, и Первая мировая, Гражданская, финская, афганская, как и обе чеченские войны. Единственное — и абсолютно оправданное — исключение составляет Великая Отечественная война.

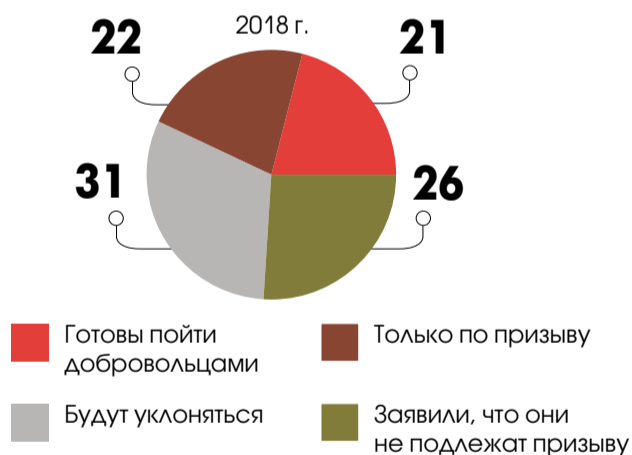
Эпоха развитого милитаризма

← СТРАНИЦА 3

Гордость за военную мощь и уверенность, что наша армия в случае чего защитит страну россияне испытывали*:

А если придется сражаться за родину, вы готовы добровольно пойти на фронт, как в 1941 году?*

Разделяете ли вы мнение*:

* В % к числу опрошенных
Источник: «Левада-центр»

Н азойливый официозный культ Победы вытеснил мазохистские переживания национальной неполноценности и исторической несостоятельности, возникшие после краха СССР. Поднялась уверенность в том, что «русские — великий народ, имеющий особое значение в мировой истории»: за 25 лет (с апреля 1992 до ноября 2017 года) число респондентов, разделяющих это мнение, выросло с 13 до 64%. Иное мнение — «русский народ такой же, как и другие» — напротив, снизилось с 80 до 32%.

Вместе с подъемом милитаризма меняются и массовые представления о заслугах президента Путина. В 2000-х годах основные достижения Путина, по мнению опрошенных, заключались в повышении уровня жизни населения, росте зарплат и пенсий, обеспечении экономического роста и оптимизма, уверенности россиян в будущем. В 2010-х годах (после кризиса 2008–2009 годов) на первое место выходят «укрепление международных позиций», «восстановлении Россией статуса великой державы» (в 2010 году так полагали 51%). А с весны 2014 года — главной заслугой Путина люди начинают считать «укрепление боеспособности Вооруженных сил» (осенью 2018 года так считали 41% опрошенных; в списке его достижений «рост благосостояния населения» отходит на 11-е место, эту позицию назвали лишь 16% опрошенных). Пики популярности и одобрения Путина приходится именно на военные кампании: 2008 год — война с Грузией, 2014-й — присоединение Крыма. Как показывают многолетние социологические опросы «Левада-центра», по мнению граждан, Путин в своей политике опирается в первую очередь на армию и спецслужбы, выражая и защищая интересы преимущественно этих институтов. Россияне верят, что Путин вернул России утраченный при Горбачеве и Ельцине авторитет, каким, по их мнению, обладал СССР. Если в середине 1990-х годов менее трети россиян признавали Россию «великой державой», то после «Крымнаш» и конфронтации с Западом, в 2017–2018 годах, в этом были убеждены уже более 70% населения.

Апология армии, как и сам характер российского милитаризма, менялись во времени за последние 100 лет — от «врагу не сдастся наш гордый «Варяг» до «мы мирные люди, но наш бронепоезд», от «Красная армия всех сильнее» или «Гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход, когда нас в бой пошлет товарищ Сталин...» до «не смещайте наши «Искандеры». Но смысл — защита действующей власти под прикрытием защиты страны и народа — оставался неизменным. Соединились в одном ряду войны Александра Невского, Ивана Грозного, Суворова, Жукова, а в последнее время — и солдаты Первой мировой. Главное в этой картине мира — враг, ее функция — обеспечение единства народа с властью, позволяющее требовать от всех солидарности и полного подчинения, которое в другом языке выражается как «самоотверженный героизм» и «преданность Родине».

Отношение к армии россиян воспроизводит характерное двоемыслие, отражающее положение отдельного человека в его отношении к государству: точка зрения обывателя и человека государственного. В качестве частного лица наш человек старается уклониться от государственной службы, по мере возможности откосить сына от армии, требует увеличить расходы на медицину и помощь бедным, равнодушен к «политике». В качестве «народа» — он одобряет действия Кремля в Донбассе или в Сирии (при этом сам категорически не хочет туда отправляться или платить за неизбежные издержки такой политики). Он считает, что на оборону денег надо выделить столько, сколько требуется, даже если при этом придется пожертвовать чем-то другим. Соотношение этих установок меняется в зависимости от того, спокойная ли ситуация в стране, растут ли доходы населения или мы вступили в фазу «возбужденного состояния общества» (спровоцированного угрозами извне), патриотической гордости и мобилизации готовности к отпору. Периодические внутренние кризисы резко снижают значимость и эффективность милитаристской риторики, тогда как периоды

процветания — в сочетании с антизападной пропагандой, вражеской угрозой — дают всплески патриотизма и доверия к армии.

Конец 1980-х годов отмечен параличом массовой призывной армии. Общество осознало непосильность для страны сохранения прежних военных расходов, процессы внутреннего разложения армии, утрату ею своего предназначения. Симптомом неблагополучия в армии было нетерпимое положение с дедовщиной, а показателем сильнейшего недовольства общества военной политикой — нарастающее (хотя открыто не артикулируемое) требование закончить афганскую войну, вывести советские войска из всех других стран, положить конец гипертрофированному влиянию военных, сократить военные расходы, прекратить практику безвозмездной военной помощи «дружественным» странам. Абсолютное большинство россиян тогда считало необходимым не просто сокращение численности армии, но и скорейший переход от призыва к контрактной, или, как тогда говорили, к профессиональной армии, обеспечивающей не только повышение ее эффективности, но и большую защиту прав самих военнослужащих. В 1998 году 35% россиян были согласны с тем, что на армию и оборону надо тратить больше бюджетных

Из 27 лет своей постсоветской истории 19 лет Россия вела и продолжает вести ограниченные войны: 3,5 года первой чеченской войны, 9 лет — второй, 3,5 года — в Сирии, 5 лет гибридной войны на Украине

средств, 52% — напротив, настаивали на сокращении военных расходов, перераспределении бюджета в пользу социальных нужд. Фактическое поражение в первой чеченской войне, коррупционные скандалы в высшем военном руководстве, гибель «Курска» и постыдное поведение руководства и высших военных чинов в этой ситуации еще сильнее подорвали авторитет и доверие к армии. Но после Крыма ситуация полностью перевернулась: уже в 2015 (кризисном!) году 52% поддержали бы «увеличение затрат на оборону, даже если бы это создало проблемы для нашего развития», 34% были не согласны с этим, 14% затруднились ответить. Никакой связи в общественном мнении между нарастающей экономической стагнацией, падением доходов населения и поддержкой милитаристской политики в массовом сознании не возникает или она полностью подавлена и стерилизована.

Гордость за военную мощь и уверенность большинства россиян в том, что наша армия в случае чего защитит страну (в 2005 году так считали 52%, в 2018-м — 88%), парадоксальным образом сочетается с крайне двусмысленной позицией в отношении собственного выбора: а если придется сражаться за родину, вы готовы добровольно пойти на фронт, как в 1941 году? Готовы добровольцами — 21% опрошенных, только по призыву — 22%, будут уклоняться — 31%, еще 26% заявили, что они не подлежат призыву. Иначе говоря, нынешняя милитаристская пропаганда пробуждает чувство коллективной гордости, не переходящее, однако, в фанатизм и самопожертвование, как это было в прошлом. Но вместе с тем растет привычное для советского сознания «я — как все»: если в 2000 году лишь 30% считали необходимым сохранить всеобщую воинскую обязанность (63% были против), то в 2017 году, уже после Крыма, картина почти полностью поменялась: 58% — за, 37% — против.

Пики популярности и одобрения Путина приходятся именно на военные кампании: **2008** год — война с Грузией, **2014-й** — присоединение Крыма

Укрепление власти Путина и смена правящей элиты означали усиление влияния спецслужб и генералитета. Свобода СМИ им явно мешала во время первой чеченской кампании. Введение цензуры и зачистка политических партий позволили военным взять реванш. После войны с Грузией армия получила приоритетное финансирование, началась модернизация вооружения, растут доходы и привилегии высшего офицерского состава. Министерство обороны стало одним из ключевых игроков в продвижении идеологии государственного патриотизма, в борьбе с «чуждой» идеологией либерализма, демократии, прав человека, правового государства, всего, что идет под общей шапкой борьбы с «экспортом цветных революций». Сегодня министр обороны и новый командующий военно-политическим воспитанием ВС обещают нам в ближайшие годы ввести в обязательном порядке отряды Юнармии в каждую школу. Общественное мнение обрабатывают многочисленные «военно-патриотические» каналы и пропагандистские передачи на телевидении («Звезда», «Полигон», «Территория заблуждения», «Военная тайна» и все прочие понемногу). Ежедневная подача материалов о превосходстве нашего новейшего оружия, не имеющего, конечно, аналогов в мире, способного в считанные минуты уничтожить Нью-Йорк и Лондон, раз за разом вдальблывает в голову обывателя: мы всех сильнее, да, мы мирные люди, но нас хотят уничтожить, ослабить, нас не любят и презирают именно за то, что мы сильнее всех. Не мы нападаем, это нам вечно угрожают, мы лишь жертвы чужой агрессии. Сочетание нескольких мотивов — извечной «русофобии», морального права победителей фашизма и своего «особого пути» — вытесняет в сознании россиян вопрос: а почему нас так не любят? Может быть, бессознательно ощущая свою ущербность и позорное раболепство, мы приписываем другим то, чего внутренне стыдимся?

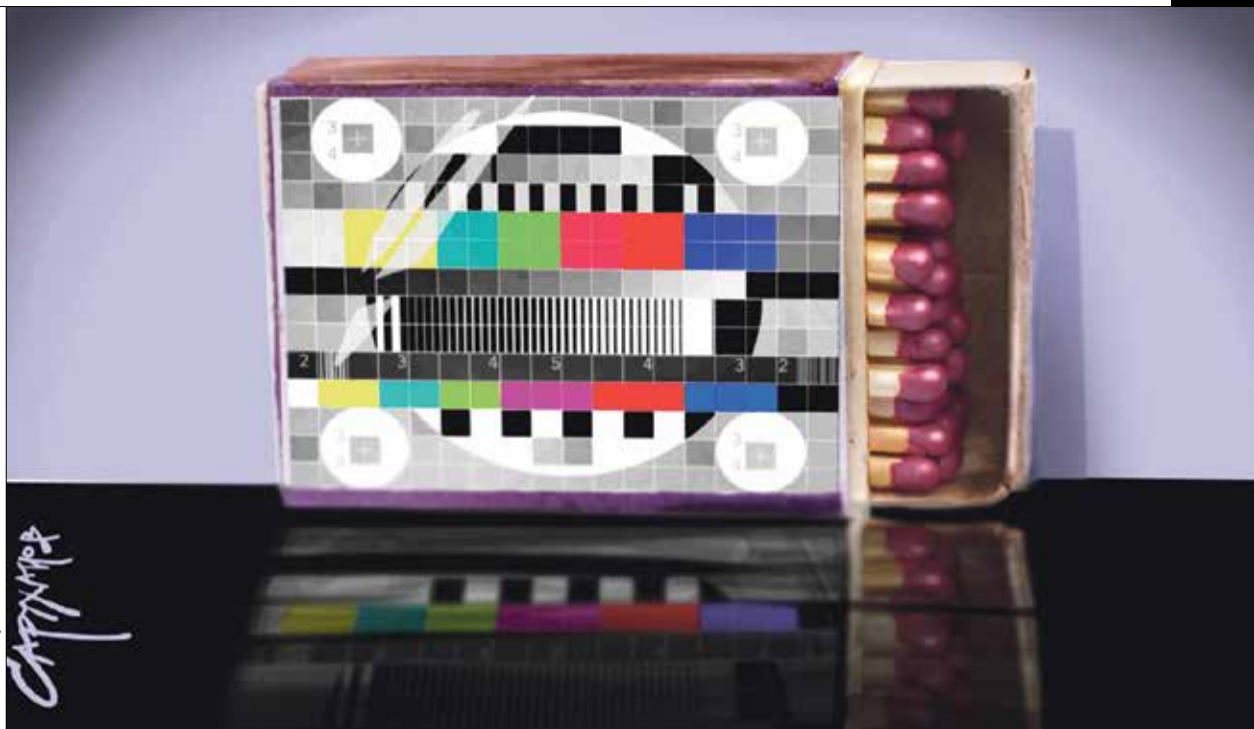
По мнению абсолютного большинства россиян, правительство в первую очередь должно быть обеспокоено проблемами падения уровня населения, ростом цен, деградацией медицины и социального обеспечения, коррупцией и общей некомпетентностью администрации, угрожающим снижением качества образования, развитием социальной инфраструктуры, а вместо этого оно занято войной в Сирии, конфронтацией с Западом и Украиной. Да, реформы в армии важны, важна и модернизация вооружений, но пока следствием этой политики оказалась изоляция России и западные санкции, с течением времени становящиеся все более ощутимыми, снижение производства и падение доходов населения. После того как Путин подписал закон о пенсионной реформе, его рейтинг резко снизился, и в сентябре 2018 года уже армия оказалась на первой позиции в списке самых влиятельных институтов, пользующихся доверием населения.

В массе своей россияне готовы одобрить растущие расходы на «оборону», полагают, что усиливающаяся угроза со стороны Запада (а в том, что она реальна, сегодня не сомневаются 56% респондентов) требует определенных жертв. Но такое отношение не в последнюю очередь вызвано и тем, что никаких возможностей у людей влиять на распределение госбюджета, на то, чтобы власти учитывали их мнения и интересы, нет. Поэтому такие ответы в соцопросах означают не «горячее одобрение», а отсутствие возражений, пассивное принятие фактического положения дел, когда власть сама решает, на что тратить собранные налоги. И это важнейший эффект милитаристской пропаганды и навязывания государственного патриотизма. На языке державного величия, памяти о героизме предков и жертвах, угроз со стороны враждебного Запада невозможно обсуждать проблемы повседневной жизни — инфляцию, теневую занятость, обеднение большей части населения, цинизм, алчность и коррупцию администрации и многое другое.

Лев ГУДКОВ,
специально для «Новой»

Автор — доктор философских наук,
профессор, директор «Левада-центра»

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

ИГРЫ С ЯЩИКОМ
Слава ТАРОЩИНА

**Кто и как
заводит людей
на войну**

Испепелители

Смотрю телевизор с прицелом: в номер, посвященный войне, пишу колонку о милитаризации сознания. Только вникла в кадры масштабных учений с боевой стрельбой в Заполярье, как меня призвали гордиться фронтовым истребителем МиГ-29М. Только задумалась над тем, кого истреблять будем, как грянул взволнованный рассказ о зенитно-ракетном комплексе С-400. Он уничтожает все цели, даже те, которых нет. То есть целей еще нет, а комплекс уже есть. Что делать обывателю с таким счастьем?

Пытаюсь вспомнить, когда это все началось. Вспомнить легко — с мюнхенской речи Путина 10 февраля 2007 года. Именно тогда зародилась мода на милитаристскую риторику. Бдительный Рогозин первый прикинул к мейнстриму: «Наша политика должна быть политической стальной кулака в лайковой перчатке». Успешнее всего в отечестве росли имперские амбиции. Лукавые соцпросы настаивали на кардинальном: власти удалось вернуть России статус великой державы. Означенный статус поддерживался в основном за счет трансляции разнообразных страхов. Как-то Юрий Шевчук пересекся на питерском экономическом форуме с Максимом Шевченко. Тот, наливаясь кровью, боролся одновременно с Западом, НАТО, либералами, геями и прочей нечистью. Шевчук мрачнел все больше и в конце концов не выдержал: «Как ни включу телевизор, вы заводите людей на войну. Что вы делаете?» Случился этот эпизод 11 лет назад. Тогда еще ничто не предвещало открытия украинского фронта, но Шевчук снайперски определил главное направление телевизионной мысли.

Армия тех, кто заводил людей на войну, неуклонно росла и доросла до Майдана. Тут телевидение из источника информации превратилось в зажженный фонарь на Петропавловской крепости, призывающий к овладению Зимним. Язык более не описывал реальность, а профанировал ее. Следующая стадия реформирования воинственной риторики в милитаристский угар тоже не заставила себя ждать. Карточным домиком распался многолетний канон относительно Крыма, забытого, как чеховский Фирс, в державных вишневых садах. Распался и высвободил энергию такой силы, которая сродни распаду атомного ядра.

Победы продолжали сыпаться на наши головы одна за другой. Мы еще не успели осознать невиданные успехи «ДНР» и «ЛНР», как выяснилось, что главная скрепа куется уже в другом месте. Началась сирийская кампания. Отныне следовало гордиться военно-промышленным комплексом. Телевизор истошно орал об успехах российских истребителей. Подробные кадры бомбежек стали лучшим украшением выпусков ново-

стей. Представители Министерства обороны, обстоятельно докладывающие об уничтожении штабов вместе с игиловцами*, вытеснили звезд экрана. Мужественный Киселев водрузил себя в кадре на фоне чего-то очень крылатого, а над ним во весь экран реяла надпись: «Испепелитель». Пепел Клааса стучит в его сердце, жаждущее пепла.

Они все жаждут пепла. Предчувствие войны витает в раскаленном воздухе. Соловьев шутит: не хотите разговаривать с Лавровым, будете разговаривать с Шойгу. «Воскресным вечером» можно все: грозиться бомбить Киев, требовать объявления массовой мобилизации добровольцев, призывать идти на Харьков. Главное, не самим отправляться по указанным адресам, а отправлять туда других. Держава находится в идеальной милитаристской форме, что особенно ощущается в чудесные майские дни. Москва изнемогает от репетиций военного парада. Народ запасается пилотками. Жаль, что в нынешнем году центр не украшен изображениями втиснутой в гимнастерку Анны Семенович, снабженной ружьем, но сохранившей в бою с врагом соблазнительность линий и поз. Хорошо смотрелась на передовой и Эвелина Блэданс, и десант из «Дома-2», включая Ксению Бородину и Викторю Боню. Весь этот далеко не бессмертный полк, оснащенный силиконом, ботоксом, макияжем, отлично работал на дело патриотического воспитания трудящихся.

Чем больше пишу о ТВ, тем яснее ощущаю себя самозванкой — тут надобен не обозреватель, а психиатр. Вот и выздоровевший Норкин, который на днях вернулся в эфир программы «Место встречи», косвенно со мной солидарен. Он рассказал о своем разговоре с психиатром. 80 процентов норкинских экспертов, открыл глаза ведущему профессиональный врач, нуждаются в срочной помощи, им уже даже галоперидол не поможет. Год назад в Питере наблюдалось редкое явление — танк наехал на человека. Лучшей метафоры времени не придумаешь — танк наехал на всех нас. Технология превращения мирных зрителей в сообщество мстительных милитаристов достигла немислимых успехов.

...Пока пишу, слушаю Шейнина. С трудом пытаюсь вычлнить суть данного выпуска шоу управляемой ненависти. Вычленила: не нужно спешить поздравлять Зеленского. Мы потом как вежливые люди его поздравим. Словосочетание «вежливые люди» озарило лицо Шейнина неукротимым восторгом.

* Странники запрещенной в РФ организации

**Алексей
ПОЛИКОВСКИЙ,**
«Новая»

Саур-Могилы — это могила. Четыре тысячи лет назад люди бронзового века рыли этот плавный, как будто растекшийся по степи холм, и строили внутри него бревенчатые клетки и каменные комнаты, чтобы укладывать туда своих мертвых. Ну, должны же мертвые где-то жить? Вот и дом им. Они лежат на левом боку лицом на север. Почему на север? Чьего явления они ждали с севера, какого огромного Бога в медвежьей шкуре или внезапного огненного сияния, столь сильного, что оно проникнет сквозь сухую, пересыпанную камнями землю холма и заставит мертвых медленно поднимать веки? Мы не знаем, во что они верили.

Мы не знаем, потому что у людей, живших четыре тысячи лет назад на берегах Миусса, не было письменности. Это может показаться нам недостатком их жизни. Но у них не было также государства, не было бомб, напалма, стволов, способных выпустить тысячи пуль в минуту и мгновенно убивать людей. Они не умели убивать на расстоянии. Они не умели летать, и поэтому не умели бомбить. Им был неведом секрет превращения консервной банки в мину. Еще у них не было телевидения, и это значит, что они сохраняли свои мозги и свое сознание в тихой, девственной, природной чистоте.

Весной 1943 года на вершине Саур-Могила был наблюдательный пункт вермахта. С вершины высоты 277,9 несколько немцев в серо-зеленой форме наблюдали в цейсовские бинокли раскинувшийся до горизонта поля, прорезанные узкими балками. Голубыми полосами, отбрасывая тень, тянулись линии лесопосадок. Яркое солнце светило над прекрасным миром, яркое солнце в идеальном синем небе Украины.

Всю зиму и весну немцы строили три линии обороны Миусс-фронта, врывали в землю стальные бункеры, тянули колючку и линии связи и устанавливали минные поля.

А летом, начиная с середины июля, здесь начался ад. Красная армия штурмовала Саур-Могила упорно и неустанно. В июле и августе тысячи пехотинцев ползли по холму вверх, туда, где на склонах чернели амбразуры немецких дзотов. Были дни, когда атаки шли непрерывно, одна заканчивалась и захлебывалась под пулеметным огнем, тут же начиналась другая. Прямо на пулеметы, методично скашивавшие их, вверх по холму, ползли, бежали, перебежали пехотинцы 96-й стрелковой дивизии. И оставались лежать в траве.

Но скоро травы не стало. Артиллерия была по Саур-Могила со всех сторон, была советская, была немецкая, и в жарком летнем воздухе трава вспыхивала и выгорала. Теперь Саур-Могилы торчала в зеленой, шелестящей травой степи, как обожженный черный волдырь. И по этому волдырю снова ползли вверх люди.

Мы не будем здесь писать о стратегическом замысле командования и тактических решениях офицеров. Мы не будем пересыпать текст номерами армий, названиями групп армий и гордыми наименованиями корпусов и полков, включающих в себя имена городов и названия орденов. Мы ни слова не скажем о мудрых военачальниках в Ставке, которые ночью склоняются над огромной картой и точным глазомером профессионального военного сразу находят холм, являющийся ключом к позиции. И тогда по проводам летит через сотни километров тысячу раз произнесенное, всем

давно известное, страшное: «Взять! Во что бы то ни стало взять! Любой ценой!»

Рассказы о войне, как она видится на расстеленной на столе огромной карте, где сталкиваются красные и синие стрелы, и повествования о полководцах, которые гениально бросают в бой армии и корпуса, замутняют правду о войне и скрывают ее. А правда состоит не в величии полководцев, а в жизни и смерти людей. Правда не во вкусе крепкого чая, который отхлебывает из стакана в подстаканнике вождь в Кремле, а в запахе горелого мяса, доносящегося из танка. Правда — в невыносимом трупном запахе, который плотным облаком окутал Саур-Могила в августе 1943 года. Немцы, удерживавшие вершину холма, по радиации запросили противогазы. Нет, они не опасались газовых атак, они больше не могли выносить запах.

Сверху, с вершины холма, подпрыгивая и подсакивая, скачивались гранаты. Сотни гранат в день. Вжав подбородок в землю, спрятав всего себя под каску, человек, широко раскрыв глаза, смотрит за подсакивающей и крутящейся в воздухе гранатой, рывками спускающейся вниз. Он лежит в грязной, насквозь пропотевшей гимнастерке с черными пятнами подмышками и белыми разводами на спине, в перевязанных веревкой обмотках, с горячим от жары и стрельбы автоматом на стиге руки, сверху над ним безразличное к людям раскаленное солнце, снизу под ним древние мертвые на левом боку, но он не знает о них. Долетит или не долетит?

В дивизионном госпитале хирурги работали день и ночь, а поток раненых не кончался. На столы все укладывали и укладывали человеческие тела с перебитыми ногами и руками, с выбитыми глазами, с развороченными животами, в которые набилась горелая земля древнего холма. Чтобы хирург не терял времени на хождение в туалет, на смену перчаток, на тщательное мытье рук, ему подсоединяли катетер, а внизу ставили ведро. Потом сестра уносила ведро. И он резал, резал и резал.

Тела убитых лежали на Саур-Могила в три слоя, за ними прятались еще живые. К 31 августа, когда немцы ушли с холма,

Здесь, на Саур-Могила, в других местах Миусс-фронта, было столько мертвых, что голодные деревенские дети зарабатывали себе пропитание, собирая и отвозя на тачке трупы. За одну тачку им давали рубль, булка стоила 20

он был весь покрыт трупами. Хоронить их не было времени, войска ушли вперед, вслед за немцами, а убирать трупы пригнали женщин из окрестных деревень. Им выдали марлевые маски. Тела складывали в братские могилы. Остатки тел сжигали. Сжигали найденные в ямах руки, сжигали оторванные ноги, лежащие на черной, обожженной земле. Здесь, на Саур-Могила, на Волковой горе, в других местах Миусс-фронта было столько мертвых, что голодные деревенские дети зарабатывали себе пропитание, собирая и отвозя на тачке трупы. За одну тачку им давали рубль, булка стоила двадцать

Цифры? Никто не знает точных. Убитых, что до сих пор не найдены и не опознаны, нельзя пересчитать. Тех, кого хоронили в братских могилах, часто тоже. Миусс-фронт, проходивший частью по территории Украины,

частью России, соединял их кровавым рубцом. Один из историков оценивает общие потери Красной армии на Миусс-фронте в 810 тысяч человек. Это в семь раз больше потерь вермахта. Это невероятное, чудовищное кровопролитие, это гигантская фабрика по производству инвалидов. Читать об этом жутко, а как это видеть каждый день, как жить в этом с утра до ночи и ночью тоже?

Генерал Красной армии украинец Николай Филиппович Батюк, воевавший с начала войны, удерживавший Мамаев курган в Сталинграде, много чего видел-

Бетон, чугун, мощные фигуры в героических позах, огромные лица, в которых несгибаемая воля и картинное мужество, — советский мемориал войны, в официальной памяти о которой в те годы не было места ужасу и кошмару. Говорили о победе, а о трупах в три слоя не говорили. Война в фигурах мемориала предстала как героическое действие, в котором воспоминание о подвиге заслоняло и вытесняло воспоминание о жутких картинах смерти. Их словно не было здесь, этих бесчисленных убитых Саур-Могила. Но они все равно были здесь и в других местах Миусс-фронта, были в самом прямом значении этого слова, были в земле. Неизвестные поименно, посчитанные примерно и гуртом, застреленные в лоб, разорванные скатившейся сверху гранатой, перерезанные надвое пулеметной очередью, они лежали в степной земле, где их находили поисковые отряды. Страшные это были находки.

Отхожая яма, куда немцы кинули трупы, чтобы не возиться с рытьем могил, и оторванная рука, и солдатский медальон, и монеты в нагрудном кармане, и ботинок с носком, сорванный взрывом с ноги, — все они были здесь, мученики войны. В этих находках, совершающихся до сих пор, весь ее ужас, весь ее садизм, все ее животное нутро, вся ее людоедская практика. Однажды поисковики нашли останки двух немцев и семерых наших солдат. Немцы убили наших, накрыли их досками и вели огонь, сидя на них. Потом и сами были убиты, и тогда все девять — навсегда неопознанные люди без лиц и имен — очутились в одной яме.

Здесь, на Саур-Могила, на склоне холма стояли буквы, тоже огромные, под стать мемориалу: «Берегите, берегите, берегите мир!»* Странная это надпись. Странная интонацией. Одно «берегите» дало бы фразе приказную твердость казенного лозунга,

* Слова из стихотворения Александра Соболева (Исаака Соболя) «Бухенвальдский набат». В 1958 году стихотворение положено на музыку композитором Ваню Мурадели.

Война, прежде чем начаться,
должна возникнуть в мозгу
человека, наделенного властью

Голоса Саур-Могилы

РИА Новости

столь распространенного в советские годы, когда он казался пустым. Кому беречь? От кого беречь? Никто и не посягал на мир в те далекие медленные годы. В тройном повторе глагола чувствовалась даже не просьба — мольба.

Летом 2014 года украинская армия начала штурм Саур-Могилы. Снова были жаркие июль и август, снова с вершины холма открывался вид на десятки километров степи, покрытой травой и цветами, снова голубели вдали полосы лесопосадок и поднималось вверх необозримое синее небо. И снова на вершине холма был наблюдательный пункт, откуда сепаратисты следили за передвижением по дорогам внизу украинских колонн. В отличие от 1943 года, теперь тут был 36-метровый обелиск, и он тут же, мгновенно, стал частью новой войны. На вершине обелиска все время находился наблюдатель, который как на ладони видел маленькие коробочки танков и дым выстрелов. Тогда он предупреждал тех, кто внизу.

И все началось снова. Бред войны, жуть войны, мясо войны, трупы войны, все снова. В кафе у подножия холма разместилась казарма. Снова на Саур-Могиле началась страшная игра в «Царь горы», когда одни лезут вверх, а другие убивают их, чтобы не лезли. В мелких окопчиках, открытых в каменистой почве на вершине холма, люди в камуфляже прятались от обстрелов. Пулеметы стояли прямо в небе. И тишина неба рвалась треском ракет, в которых на одном и том же русском языке говорили люди с двух сторон, имевшие позывные Медведь, Душман, Сумрак, Сокол.

Мы и здесь не станем говорить о стратегических планах и тактических новациях, не станем называть имена бригад и названия отрядов и не будем с маниакальным наслаждением, свойственным любителям войны, описывать их вооружение, все эти смертоносные железки. Вся эта так называемая техника войны часто имеет красивые названия, предназначенные скрыть

или смягчить странным юмором ее суть — суть орудий убийства. Мы не станем рассказывать о героических деяниях тех, кто брал Саур-Могилу и кто защищал ее, хотя тут есть о чем рассказывать. Попеременно стояли на вершине переходившего из рук в руки холма бывший советский «афганец» из сепаратистов и украинский полковник, хладнокровно глядевший сверху на то, как его окружают, и все-таки отказывавшийся оставлять Саур-Могилу без приказа. Он выжил. «Афганца» убили.

Есть вещи, которые не могут быть, есть события, которые не должны случиться. Есть что-то, принадлежащее не нормальной человеческой жизни с ясным небом, любовью, разговорами, кофе в кафе, путешествиями на море, а бреду, существующему в мелкой темной голове человека, пришедшего к власти. Не могла случиться война между Россией и Украиной, но случилась. Не могли люди снова прийти на холм, где семьдесят лет назад происходил кровавый кошмар, чтобы устроить в том же месте новый кровавый кошмар, но пришли и устроили. И мемориал, поставленный на месте прошлой войны, стал местом действия нынешней.

Как быстро реликвии той войны стали антуражем этой. В музее, размещавшемся в основании обелиска, прятались от обстрелов сепаратисты. Украинский танк всадил снаряд прямо над дверью в музей, и человек, искавший спасения среди фотографий бойцов 1943 года, погиб.

Мемориал разрушали все участвующие в войне стороны. Снаряды украин-

ских танков пробивали обелиск насквозь. «Грады» сепаратистов, пригнанные из России, корчевали бетонные пилоны и раскалывали их. Лица и фигуры пехотинцев, танкистов, артиллеристов и летчиков на пилонах покрыты ржавыми оспинами, следами пуль. Героев той войны изрешетили герои этой. Российская артиллерия била через границу по украинцам, била в издевательском сознании собственной неуязвимости, потому что украинцы не могли отвечать, не могли стрелять через границу в ответ. Нет никакой возможности пересчитать все эти сотни и тысячи выстрелов и определить, какой из них нанес какой именно ущерб; мемориал Саур-Могилы разрушался, калечился, коржился сотнями стволов со всех сторон.

И посреди всего этого ада, когда опять горела трава и рушился бетон, полз по склону вверх раненый украинский доброволец с перебитыми руками и срезанным с лица носом, полз, оставляя за собой кровавый след, полз к своим.

Девятиметровый чугунный солдат Красной армии с раздутой ветром плащ-палаткой далеко виден сверху на запад и восток. С востока шла война. Война шла из России колоннами военной техники, крытыми грузовиками, война шла эшелонами к границе, война шла танкистами-бурятами и десантниками-псковичами. Война шла потоками лжи и мерзостью ненависти, изливавшейся в эти дни и продолжающей изливаться до сих пор из поганой глотки телевизора. Война шла и жила подлой ложью о том, что «нас там нет».

Не могли люди снова прийти на холм, где 70 лет назад происходил кровавый кошмар, чтобы устроить в том же месте новый, но пришли и устроили. И мемориал, поставленный на месте прошлой войны, стал местом действия нынешней

Война шла валом пропаганды об «украхах», «карателях», «хунте». И в результате этой войны солдат Красной армии лишился правой ноги. Инвалид стоял на вершине Саур-Могилы в ослепительном солнечном блеске, в сиянии синего неба, видный всем участникам безумия, которые в лихорадочном возбуждении бегали, прыгали, ползали, ездили вокруг огромного, словно расплзающегося от жары степного холма.

А может, он расплзался от крови, от литров и гекалитров старой и новой крови, которой он был пропитан. И мертвецы бронзового века в своих подземных камерах, скрытых в глубине Саур-Могилы, наконец открывали глаза.

Потом солдат рухнул. И среди серых бетонных развалин долго торчал его огромный сапог.

Война, прежде чем начаться, должна возникнуть в мозгу человека, наделенного властью принимать решения. Если его власть не ограничена законом, парламентом, обществом, то ему может прийти в голову все что угодно. Война должна возникнуть в темном, плохо понимающем мир сознании, лишенном сочувствия к людям и не ценящим их жизнь, в сознании, видящем весь мир как арену игры подлецов, циников и воров. Такое сознание просто больно войной.

Но прежде чем война станет реальностью, решение о ее начале должны поддерживать люди, собравшиеся вокруг диктатора. Среди них не оказывается ни одного, способного встать и сказать: «Нет, мы этого не будем делать. Мы этого не можем делать! Не может быть войны между Россией и Украиной!» Но этих слов в ближнем кругу диктатора не скажет никто. Они готовы принять все что угодно. И войну тоже.

Но и тут война еще не начинается. Для того чтобы она началась, должны драть горло на каждом телевизионном углу вальяжные, покрытые жиром сладкой жизни пропагандисты. Их цель — одурманить и обмануть, создать психоз и разжечь ненависть. Без этого нет войны.

Но и тут еще война не начинается. Для того чтобы она началась, нужны миллионы усталых, замороченных, живущих на гроши людей с серыми лицами, которые от своих родителей, а те от своих впитали знание о том, что нельзя протестовать, надо молчать, никуда не лезть, что с властью лучше не связываться, что это страшно и опасно. Истории дедов и отцов, соседей и знакомых свидетельствуют об этом. Нужны слепые, дезориентированные люди, не способные отличить габэшной разводки от отечественной войны.

И вот только тогда в этой молчащей, не способной отличить правду от лжи стране начинается война. И идет через границу ракетная установка. И мертвые люди падают с неба вперемешку с чемоданами и игрушками.

Каин убил Авеля. А когда это было? Мы не знаем. Каин убил Авеля из зависти — не мог стерпеть, что жертвы Авеля оказались угодны Богу, а жертвы Каина нет. «И сказал Господь Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему?»

Каин был древний, наивный, допотопный убийца, убивший одного человека. Что за мелочь для современного Каина. Современный Каин убивает десять тысяч. Древний Каин был земледельцем и нигде не учился, а современный Каин обучен приемам психологической войны, вербовки, обмана, провокации и лжи. И поэтому он, убив Авеля и продолжая убивать его, по-прежнему говорит о том, что он един с Авелем, своим братом. Мы ведь братские народы.

Каин, где десять тысяч украинцев, убитых тобой на войне? Отвечает Каин: «Не знаю; разве я сторож брату своему? Это они сами себя убивают».

«С одной стороны в с другой — СЫН»

Ян ШЕНКМАН,
«Новая»

Много раз я слышал, как об афганских и чеченских ветеранах говорят: для них война не закончилась. Это метафора, а вот у донецких она действительно продолжается. Невозможно

вернуться оттуда в Москву или Киев и думать: а, ну теперь все в порядке. Говоришь с ними о Дне Победы, а для них победа не наступила. Им трудно представить себе, что воцарился мир и все уже позади.

Мы долго спорили с коллегами, можно ли давать слово убийцам на страницах газеты. Одни считают убийцами атошников, другие дэнэровцев, и каждый уверен, что прав. Но на войне, даже самой справедливой, все убийцы, такое уж это дело. И в этом смысле убийцы 1812 года от убийц 2014-го отличаются только одним: 2014-й еще болит, а 1812-й — уже нет.

У этих людей разный опыт. Один воевал за Украину, двое против. Но говорят они примерно одно и то же. Я мог бы поменять их монологи местами, каждый подписался бы под словами другого. Политики уже пять лет не могут или не хотят договориться о мире, а военные находят между собой общий язык гораздо чаще, в отличие от политиков. Не все, конечно, но многие. У политиков взгляды милитаристские, у многих ветеранов — антивоенные.

Позывной Абдула,
40 лет, Донецк.

Воевал с 2014 по 2017 год. В настоящий момент инвалид, занимается патриотическим воспитанием в подразделениях армии ДНР

О себе. Я родился в Афганистане в 1978-м, за год до того, как к нам вошла Советская армия. Мой отец примкнул к той партии, которая просила о вводе войск, стал губернатором провинции и погиб. А нас, сирот, отправили учиться в Россию. Когда Советский Союз развалился, вернуться мы уже не могли, потому что к власти пришли радикальные исламисты. Они воспринимали нас как врагов, нас там сразу убили бы. Наоборот: тысячи людей бежали оттуда сюда.

Рос я сложно. Так сейчас растут дети в Донецке и Луганске. Так растут в Ираке, в Сирии, в любой горячей точке планеты. Главная тема — война. Главная мечта — стать военным.

Та война чем-то похожа на эту. Так же шли конвои с гуманитарной помощью, так же пытались договориться о мирном урегулировании. Но ничего не получилось и не получается по сей день.

Гражданства нам не дали. У меня был паспорт Демократической республики Афганистан, уже не существующей к тому времени. Его забрали в посольстве и выдали другой — Исламской республики. Были периоды, когда у меня не было прописки, жил нелегально. С работой тоже, естественно, были трудности. Меня и в армию не взяли, сказали: сейчас мы тебя всему научим, а потом ты повернешь оружие против нас.

Я всю жизнь готовился к войне. Качался, спал на полу, на кровать не ложился даже. Я знал, что рано или поздно мне придется взять в руки оружие. Правда, думал, что рванет в Средней Азии. И когда началось на Украине, мне стало очень тревожно. Я жил в Ростове, оттуда до границы рукой подать. И я легко представил, как наша область превращается в Афганистан, который я помнил. Единственная моя поездка туда в 2010-м — кошмар. Мой дом, мою землю превратили в наркопритон. Помню канализацию, построенную еще при Александре Македонском, грязь, вонь, жуткую нищету. Стоят дома богатых людей, а рядом с ними дети собирают объедки.

Россия. У меня масса претензий к России. Россия предала и бросила мой народ. Два с половиной миллиона моих соотечественников отдали в руки их заклятым врагам. Я мало видел хорошего от российского государства, но меня воспитали русские люди, они додали мне то, что недодала страна. Научили меня всему, научили прощать, научили стихам Лермонтова, которые я очень люблю.

Анна АРТЕМЬЕВА — «Новая»

Разрушенный поселок Мироновский. Украина, Донецкая область, 2016 год

Донецк. Я приехал туда 23 мая 2014-го. Нас собрали в Снежном. Там были ребята из Харькова, из Одессы, из других городов. И были чеченцы, я попросился к ним. Я не хотел, чтобы кто-то сказал мне: эй, черномазый, я тебя сюда не звал! Ребята, я знаю, какая беда пришла в ваш дом, я приехал помочь. Какая разница, какой у меня цвет кожи?

Были трения по национальному вопросу, мы это урегулировали. Всякое было, но зла я ни на кого не держу.

Я понимал, что чеченцы имеют за плечами опыт войны, даже двух. Сыграло роль и то, что я мусульманин, верующий человек. С этой группой мы штурмовали аэропорт. 23-го я приехал, а 26-го уже был штурм.

Ранение. Я подорвался на mine 8 сентября 2017 года. Держали круговую оборону, заступил туда, куда не надо было, и все. Меня вывезли в Донецк, вылечили. Проснулся, все нормально, только уже без ног. Обе — выше колена.

9 Мая — священный праздник, праздник, окропленный кровью. Мы на позициях сейчас одного бойца теряем, второго, третьего. Это так больно. А тогда целыми ротами выбивало, дивизии в порошок стирались, такое трудно себе представить.

На позициях празднуют День Победы, но я не видел, чтоб пили. В этот день идут бои каждый год. Расслабляться нельзя, опасно. Празднуют в Донецке, парад каждый год проводят. Но приглядитесь, и вы увидите там много трусов и пройдох. В этот день нормальные пацаны на позициях.

Патриотизм. Есть а-ля патриоты. Девятого выйдет с ленточкой, дедушку пронесет, а сам ждет, когда старик помрет, чтоб квартиру его забрать. Но ленточка тут как тут.

Хэштэг #*можем повторить* меня вообще бесит. Так говорят слабаки, люди, которые как раз повторить ничего не могут. Бери повтори! Нет, только трепаться горазды. Трусливые шавки, не уважаю таких.

Позиция. Война — это ад, это однозначное зло. Но войны происходят оттого, что добро беспечно. Слишком беспечно добро, поэтому допустили войну.

Враг. Много раз слышал, как бойцы на позициях уважительно отзывались о взсэушниках. Именно военные о военных. Контекст такой: четко отработали по нам, молодцы. Уважение профессионалов к профессионалам. Есть такое, это кто угодно вам подтвердит.

Я общаюсь с атошниками в интернет-группах. Это нормально, в этом нет ничего плохого. Там шутки всякие, разговоры о премиях, о земельных участках. Примерно то же самое, что у нас.

А есть подстрекатели. Проедут по линии разграничения, повоюют. И уезжают. А мы даем ответку и нормальных пацанов убиваем. Зло берет, когда я об этом думаю.

Донецкий синдром. Война не отпускает. Когда коснулся ее, все остальное отходит на второй план. Почувствовал запах крови, и все, обратной дороги нет. Таких процентов двадцать. Не только у нас, а в целом везде, где воюют. Поножовщина в барах, криминальные структуры, киллеры — так это проявляется. Афганский синдром, чеченский синдром, а уже и донецкий есть. Куда идти этим ребятам? В охранные агентства, в безопасность, в ЧВК, в спецслужбы. И они будут там вести себя соответствующим образом. Вот они действительно могут повторить, но уже в мирное время и в мирной местности. Вдумайтесь, сколько людей прошло через эту войну и у нас, и на Украине. Последствия обязательно будут.

ОКОПАХ ОТЕЦ,

Ветераны Донбасса —
о Великой Отечественной,
патриотизме и донецком синдроме

Александр МЕДИНСКИЙ,
Вооруженные
силы Украины,
командир разведгруппы.
38 лет. В настоящий момент
живет в Хельсинки

О себе. Мобилизован в ряды Вооруженных сил Украины в 2015-м. В боевых столкновениях участия не принимал, перед нами ставили другую задачу: проведение диверсий, сбор данных.

Великая Отечественная. Война на Донбассе идет уже дольше, чем та, в мае ей будет пять лет. Сходства между ними не вижу. Друг против друга воюют потомки людей, сражавшихся в одной армии, потомки тех, кто победил фашизм. Да, есть какое-то количество бандеровцев, но их не так уж много воюет, их вообще немного в стране. Те, кто называет украинцев фашистами, врут, и знают, что врут.

Фашисты. В России слово «фашист» применялось и применяется исключительно в целях пропаганды. Все эти распятые мальчики и другой откровенный бред. Наша пропаганда не менее, а иногда и более лютая. Говорили, что донецкие — это орки, нелюди, что убить донецкого — все равно что убить преступника.

Нужно расчеловечить противника, чтобы легче было его убить. Ведь большинство психически нормальных людей неспособно выстрелить в человека, убить его, стоя лицом к лицу, а потом еще с этим жить. Именно поэтому война на Донбассе ведется в основном с помощью артобстрелов: не видишь, кого убил.

Контингент. В добровольческие батальоны в основном набирали тех, кто хотел заработать. Были, конечно, и идеалисты, но идеалистов быстро повыбили. В ДНР — абсолютно так же. В первой волне шли мародеры и идеалисты, и идеалистов почти уже не осталось. Кого-то убили, кого-то убрали оттуда в административном порядке.

Вторая волна — призыв. Хочешь не хочешь, а иди воевать.

Третья — те, кто ради денег воюет. В Донецке тоже таких немало. Донецкие друзья говорили мне: в какой-то момент просто не стало выбора, не было другого способа заработать.

9 Мая. Люди старшего поколения крепко придерживаются традиций. А у молодежи, у тех, кто рожден в поздние 90-е, каша в голове, они не понимают, что происходит. Я это связываю с ужасным образованием. Образование в Украине, впрочем, как и в России, было фактически уничтожено.

9 Мая празднуют даже некоторые АТОшники. Одно время эту дату пыта-

лись использовать пропагандисты. Снимали ролики, где ставился акцент на том, что атошники — потомки ветеранов ВОВ. Но потом от этого резко отказались и решили перейти в парадигму УПА (Украинская повстанческая армия, признана Верховным судом РФ экстремистской и запрещена в России. — Ред.).

Тем не менее в этом году Порошенко подписал указ о праздновании 9 Мая. Понял, видимо, что чем сильнее с этой датой бороться, тем больше людей выходит на «Бессмертный полк» и другие акции просто из чувства противоречия.

Россия. Я служил в разведке, я четко знаю, что поставляла Россия: оборудование, гуманитарную помощь, оружие, тяжелое вооружение, специалистов. Плюс добровольцы, которые приехали из России. На Отечественную войну это совсем не похоже. Похоже на гражданскую войну в Испании, там воевали все, начиная с легиона «Кондор» и заканчивая советскими эскадрильями.

Кто прав? В этой войне нет правых и виноватых. Когда «правосеки» (боевики запрещенного в России «Правого сектора». — Ред.) захватывали администрации городов и военные части, ополченцы делали то же самое. Бандит насилует женщину, а вы подходите и пристраиваетесь с другой стороны. Загорелся магазин, один хватает микроволновку, а другой — телевизор. Оба преступники, оба закон нарушили.

Миротворчество. Мы планируем съезд в Хельсинки. Позвать ополченцев, позвать атошников, собрать в одном помещении тех, кто смотрел друг на друга в прорезь прицела. Мы ведь общаемся, и отношения у нас гораздо лучше, чем у диванных войск. Диванные кричат: «Распни», «Убей», «До последней капли крови», «За Русь-матушку», все такое. Тех, кто был на фронте, тошнит от этого, в том числе и донецких. Они вполне критично воспринимают происходящее в России.

Позиция. Я патриот Украины, но Украины многонациональной, многоязычной, а главное — нейтральной. К сожалению, мы все время выбираем себе президентов, которые подлизываются либо к Москве, либо к Вашингтону. Это ущербная политика, ее результат — война.

Валерий ЛОПИН,
позывной
«Батя Купол».
60 лет.
Командир взвода
в десантно-штурмовом
батальоне. Сейчас живет
в Ленинградской области

Снаряды и отверстия от них в домах мирных жителей. «ДНР», 2016 год

О себе. Я житель Станично-Луганского района Луганской области. Воевал с самого начала, с 14-го. До войны занимался сельским хозяйством, обрабатывали землю, выращивали зерно, пекли хлеб. А в результате мой дом — дом, который я построил своими руками, был разграблен и взорван. Предприятия, которые были у меня в собственности, разграбили, размародерили.

Ранения. Я два раза ранен, шесть раз контужен. Одно из ранений — осколочное, после обстрела «Ураганом». Это реактивная установка, что-то вроде «Катюши». Второе тоже осколком, но уже минометным, возле Ясиноватой. После ранения меня вывезли в Россию, получил гражданство, обносился.

Великая Отечественная. Эта война — ее прямая противоположность. Наши деды бились с немцами, а сейчас олигархи столкнули лбами родных и близких.

Мы и они. На нашей стороне в окопах сидел отец, на той стороне — сын. Этот парень с Донбасса уехал по распределению, семья у него на Западной Украине. А отец здесь в шахте работал. Ночью организовали им встречу. 15 минут они обнимались и плакали, потом разошлись каждый в свой окоп. Я это видел своими глазами, такое забыть нельзя.

9 мая у меня день рождения. Так совпало. Однажды мы в Зайцеве в этот день вручали ветеранам подарки. Возвращаемся в Донецк и на заправке видим «Мерседес», возле него стоят молодые люди, пьют шампанское, виски, закусывают. А это 10 километров от линии разграничения, от серой зоны, где есть нечего. Не всем дано быть людьми. Есть те, кто страдает, а есть те, кто приспосабливается и из любой ситуации извлекает выгоду для себя.

Первая волна. Это были идейные ребята. Большинство из них уже нет на свете. А сейчас политическая ситуация изменилась. И, скажу мягко, есть противодействие командирам первой волны. Это политическая игра, грязь, не хочу о ней говорить.

Синдром войны. Я встречаюсь с ветеранами, мы говорим и о хороших, и о плохих вещах. О несправедливости в отношении ребят, которые вернулись с войны и не могут найти себя в мирной жизни. Таких, к сожалению, уже много.

Минометный снаряд попал в жилой дом в Горловке. Спящий хозяин Сергей погиб. «ДНР», 27 июня 2016 года

«Страшнее боя»

— К началу первой чеченской я проходил срочную службу в Екатеринбурге. Отслужил год из двух.

12 декабря 1994 года возвращался в свою часть в 32-м военном городке Екатеринбурга после «увольнения». Дежурный на КПП спросил: «Ты чего вернулся?» Я говорю: «В смысле?» Он: «Там режим боевой тревоги объявили. В Чечню отправляют».

Я пошел в часть. Там никто о Чечне не говорил. Говорили: «Едете на учения. В письмах можете указывать «Москва, «400». «400» — это значит живой».

Через некоторое время слухи о Чечне стали ходить между солдатами. За неделю из части сбежали 58 человек.

Мы оставались в Екатеринбурге до 25 декабря. Все это время нам не давали смотреть телевизор в комнате отдыха — там как раз Листьев рассказывал о том, что войска уже готовы к отправке.

Никаких рапортов с просьбой отправить нас на войну мы тоже не писали. Все происходило в приказном порядке.

29 декабря прибыли в Моздок. Весь город был полон военной техники. Откровенно говоря, в этот момент у меня и моих товарищей появилась уверенность в своих силах: мы поняли, что нас много, мы хорошо вооружены. Если раньше у многих было желание сбежать, то теперь появилась готовность сражаться.

Мы зашли в Чечню с севера. 31 декабря наш полк остановился в киломе-

О начале первой чеченской вспоминает рядовой **Роман БАРАБАНОВ**

тре от аэропорта Северный на окраине Грозного. Был вечер. Мы грелись в машинах. Вдруг за полтора-два часа до Нового года раздался щелчок, громкий взрыв. На улице крики, стоны. Две взорванные БМП и КамАЗ. Мы боимся подойти, у нас первый раз такое. Увидели три огневые точки. Начали стрелять. Час, наверное, стреляли. Подавили их. Давай своих пацанов вытаскивать: 6 или 8 погибших, многие обгорели. Двое пацанов сгорели заживо — не могли открыть люк БМП. Это для меня было страшнее самого боя — смотреть на погибших парней.

1 января мы выдвинулись к окраинам Грозного и остановились в микрорайо-

нах совхоз «Родина» и Алхан-Чурт, рядом с машинно-транспортным парком. Часть нашего полка расположилась у поселка Садовый. Зайти в город мы не смогли — боевики взорвали мост через речку Нефтянка.

Ночью опять начались обстрелы с окраин города. За сутки полк потерял 32 человека. По ночам постоянно вывозили погибших — с 31 декабря 1994 по 6 января 1995 года под Грозным мы потеряли около 5 тысяч человек. При штурме города я потерял двоих друзей.

Другой эпизод произошел в апреле 1995-го. Совместно с псковскими десантниками мы вели бой в поселке Новогрозненский. Боевая операция длилась 4 дня. Было убито свыше 150 боевиков, в том числе наемники из арабских стран. С нашей стороны погибших не было, только раненые.

После операции в Новогрозненском нас отправили на Гудермес. Наш взвод (23 человека) уходил последним, потому что у нашей самоходной артиллерийской установки была повреждена гусеница.

Мы проехали блокпост десанта, затем вышли на блокпост ОМОНа. И вдаль увидели густой столб черного дыма. Два омовца подбежали и крикнули нам, чтобы мы не ехали дальше, — там идет бой. Но наш командир не послушал их.

Подъезжая к окраине Гудермеса, мы увидели страшную картину: блокпост, который находился при въезде в город, был расстрелян, лежали погибшие бойцы

и горели два БТРа. Вдруг я увидел, что на противоположной стороне улицы, примерно на расстоянии 300 метров на крыше пятиэтажного дома перемещаются боевики, 10–12 человек. Они тоже увидели нас и начали стрелять.

Мы прыгнули с брони БМП, сбежали в овраг у дороги. Началась шквальная перестрелка. Она продолжалась минут 30–40. В последние минуты боя из-за сопки подлетела пара вертолетов Ми-24. При их появлении боевики сразу сбежали.

Никто из нашего взвода не пострадал.

Нужна ли была война в Чечне? С геополитической точки зрения — да. Война шла за сохранение конституционного строя и территориальной целостности нашей страны. Была угроза раздробления России. Еще вспомните, какое отношение было у боевиков к русским, живущим в Чечне. Причем жестокость была не столько со стороны самих чеченцев, сколько со стороны иностранных наемников. Арабским странам нужны были наши ресурсы и выход к Каспию через Дагестан.

С другой стороны — как относятся сегодня к воевавшим в Чечне? У многих ветеранов — проблема с жильем. У меня тоже: меня в 2013 году выселили из общежития, где я жил во время службы в МВД. Другого жилья не дали. Живу сейчас в офисе нашей общественной организации. Чиновники на местах не хотят помогать. Военно-патриотическое воспитание должно быть в стране, но когда к школьникам приходит ветеран с такими проблемами (а таких ветеранов в Свердловской области десятки), проникаются ли дети патриотизмом, хотят ли служить Родине?

— Я приехал в Афганистан в ноябре 1981 года. В то время шла замена бойцов, которые прибыли в республику в самом начале войны: в конце 1979-го — начале 1980-го.

На войну попросился сам. Было желание проверить себя. К этому времени я закончил Свердловское суворовское военное училище и Омское высшее общевойсковое училище. Служил в 39-й отдельной десантно-штурмовой бригаде. Комбриг сначала не хотел меня отпускать, но я настаивал. В итоге он отступил.

Из Прикарпатского военного округа нас в Афганистан собралось человек двадцать. Из аэропорта Львова доставили в Ташкент, оттуда — на пересыльный пункт «Тузель». Затем на Ил-76 отправили в Кабул.

В первый же день почти за всеми бывшими в Кабул приехали. А я с двумя десантниками остался. Двое или трое суток мы пробыли в Кабуле, а затем нас отправили в Кундуз. Здесь находилась наша 56-я отдельная десантно-штурмовая бригада.

Я шел на замену командира 1-й роты. В моем подчинении оказались 18 мастеров спорта, 52 награжденных. Все старше меня. Бывший ротный — Герой Советского Союза Сергей Козлов. А у меня же на тот момент не было боевого опыта. Было сложно. Но боевая обстановка научила моих бойцов: они к слову командира относились трепетно. И после первого боя стали меня уважать.

Первый бой произошел в конце ноября. Нужно было ликвидировать группу душманов, засевших в пещере в районе Северного Кундуза. До этого они обстреливали нашу колонну. Мы вышли к пещере, началась пальба. Я только начал загонять патрон, как передо мной встали два сержанта. Я говорю им: «Отойдите, ничего не вижу». Один из них смотрит на меня и отвечает: «Стрелков тут много. Командиров мало». После этих слов я убрал автомат и начал командовать.

Пещеру мы все-таки взяли: помогло прямое попадание гранатометчика.

«Стрелков здесь много. Командиров мало»

Комроты **Александр ДМИТРЕНКО** знает, почему он воевал в Афганистане

После боя никаких эмоций я не испытывал. Страх? Страх был в бою. Сначала испытываешь страх за свою жизнь. Потом страх за себя сменяется страхом не выполнить задачу. Потом приходит страх за жизнь подчиненных.

В декабре 1981-го нашу бригаду передислоцировали в город Гардез, провинция Пактия. Высадили на высоте 2200 метров над уровнем моря. В тот момент я подумал: «Слава богу, что не послушал советчиков». Мне советовали не брать с собой теплые вещи и снаряжение, а отправить их колонной. В Кундузе, откуда мы выдвинулись, было +20 °С. В Гардезе, когда мы приехали, было -12 °С. Лежал снег. Ночью температура опустилась до -20 °С. Мы, чтобы согреться, жгли все подряд: ящики, колпачки от неуправляемых снарядов, мыло, тротил.

Наша рота организовывала засады на душманские караваны с оружием. Если мы получали информацию, что где-то собираются боевики, например, для получения денег, выезжали туда и ликвидировали их.

Дважды мне доводилось поднимать своих бойцов на пулеметы: под Бабусом

и в Хостовской долине. Других вариантов не было. В долине мы заведомо шли на встречный бой. Банда душманов — более 90 человек — сопровождала караван с оружием. Мы должны были прибыть на место за сутки до них, чтобы подготовить засаду. Но наше командование отправило нас сопровождать колонну техники.

В результате в Хостовскую долину мы попали одновременно с боевиками. Наш дозор столкнулся с их дозором. Наши душманов застрелили. Завязался бой. Мы заняли расположенную около дороги полуразрушенную крепость. Выход из крепости — прямо на противника. Всю ночь из минометов, гранатометов и пулеметов душманы обстреливали ворота, не давая нам уйти. Я запрашиваю вертолеты — вертолетов нет. Запрашиваю бронегруппу — ее тоже нет. Говорят: «Выбирайся сам». Уже почти сутки пластаемся под обстрелом, боеприпасы на исходе. У меня из 23 человек 4 контужены. В итоге бронегруппу за нами присылают, но близко подъехать она не может — мешают валуны. Я даю команду собрать весь тротил: у каждого в нашей группе была 400-граммовая шаш-

ка. И мы взрываем стену крепости, ближайшую к нашим. И под прикрытием поднявшейся пыли — бегом к своим. Группами по 4 человека: двое бегут — двое прикрывают. Я последним уходил. И видел, как под ногами «кипела земля» — по нам беспрепятственно работали пулеметы. И ни одного не задело. Все сумели уйти. Я не знаю, как это назвать, — чудо или как-то еще. После этой операции, помню, пили воду из бензиновой канистры. Вкуснее воды в жизни не было.

За два с половиной года в Афганистане я не потерял в бою ни одного человека. Уехал оттуда в феврале 1984-го. Уезжать не хотел, писал даже рапорт на продление. Но замкомандира бригады сказал мне: «Хватит. Едь в Союз». Я уехал. Первые два года было очень тяжело. Хотелось вернуться. В Афганистане все было как-то честно.

Через год после возвращения у меня родилась дочь. Через два — сын. Когда сын родился, я успокоился.

Была ли эта война нужна? Мне была. Я хотел проверить себя, понять, смогу ли я защищать Родину. И понял — смогу.

**Анна
ЖАВОРОНКОВА,**
«Новая»

Мой дед видел войну. Нет, он не воевал. Для него война — обрывки детских воспоминаний: язвы по всему телу и постоянное чувство голода.

Мой дед видел Победу. Нет, он не дошел до Берлина — 9 мая его разбудил незнакомый запах. Всю войну его бабушка собирала в мешочек крошки, оставшиеся от положенных трехсот граммов черного, чтобы в день, когда настанет мир, позволить себе роскошь — маленький пирожок. «Андрюша, вставай! Война закончилась!» Для деда Победа пахнет сладким хлебом.

Мое детство на вкус, как черешня. Сочное, летнее и сладкое. Я не видела войну. Моя дочь любит прыгать по лужам и считать звезды. Ее

детство пахнет клубникой. С чистым небом и живой семьей.

Спустя 34 года после того грандиозного мая советские войска вошли в Афганистан. Через 49 лет — вступили в первую чеченскую, а еще через пять — во вторую. В 2014 году началась война на юго-востоке Украины, годом позже к нам явилась Сирия.

Об этих, совсем не Великих и уж точно не **Отечественных, войнах** рассказывают фотографы Виктор ХАБАРОВ, Олег НИКИШИН, Анна АРТЕМЬЕВА, Евгений ФЕЛЬДМАН и Юрий КОЗЫРЕВ. Они там были. Они это видели.

После Войны

Обед в поле. Полихумри, Афганистан. Фото: Виктор ХАБАРОВ

Группа разведки под Кабулом, Афганистан. Фото: **Виктор ХАБАРОВ**

Советский вертолетчик ведет стрельбу по позициям моджахедов в районе перевала Саланг, Афганистан. Фото: **Виктор ХАБАРОВ**

После

Убитый на улице в пригороде Грозного, 1995 год. Фото: **Олег НИКИШИН**

Раненые после боя с моджахедами на первой заставе в окрестностях Кабула. Афганистан. Фото: **Виктор ХАБАРОВ**

Центр Грозного, 1995 год. Фото: **Олег НИКИШИН**

ВОЙНЫ

Чеченцы вывозят убитых в результате авиационного обстрела дороги. Пригород Грозного, 1995 год. Фото: **Олег НИКИШИН**

Подбитый российский БМП. Центр Грозного, 1995 год. Фото: **Олег НИКИШИН**

Пригород Грозного, 1995 год. Фото: **Олег НИКИШИН**

Бойцы ОМОНа играют в настольные игры в Грозном, январь 2000 года.
Фото: **Юрий КОЗЫРЕВ**

Морские пехотинцы уносят тело раненого товарища во время боя рядом с селом Центарой, декабрь 1999 года. Фото: **Юрий КОЗЫРЕВ**

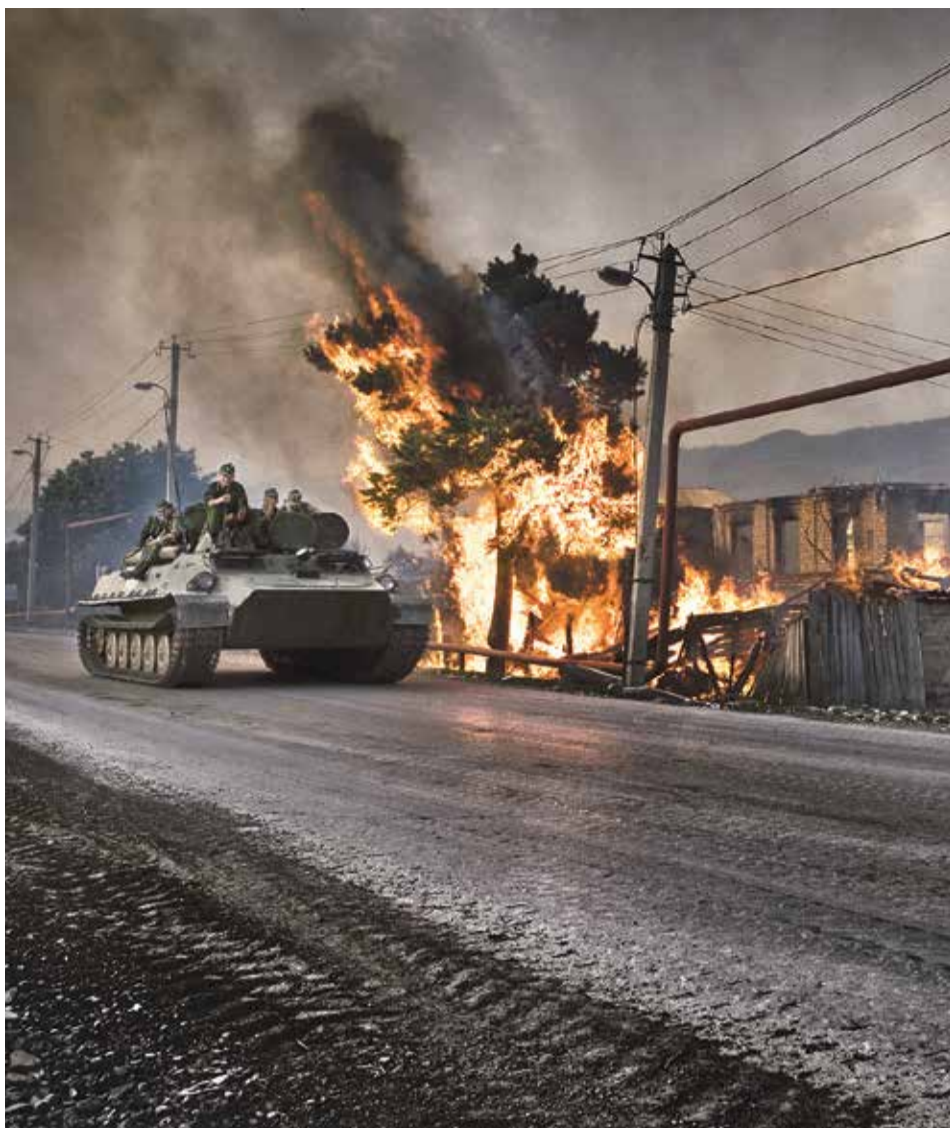

Село Чернокозово, Чечня. 2000 год. Фото: **Юрий КОЗЫРЕВ**

После

Дебальцево, Донецкая область, 2015 год.
Фото: **Евгений ФЕЛЬДМАН**, архив «Новой»

Российский БТР возле дома, подожженного ополченцами из Южной Осетии, в грузинской деревне Квемоачебети, Цхинвал. 2008 год.
Фото: **Юрий КОЗЫРЕВ**

В плацкарте пассажирского поезда. На соседнем пути — колонна российской военной техники движется в сторону границы с Украиной. Ростовская область, 2014 год. Фото: **Анна АРТЕМЬЕВА, «Новая»**

Хомс, Сирия. 2014 год. Фото: **Юрий КОЗЫРЕВ**

Войны

После обстрела. Артемов (теперь — Железное), территория под контролем ВСУ. Донецкая область, 2016 год.
Фото: **Анна АРТЕМЬЕВА, «Новая»**

«Я на смерть посмотрел, мне на всю жизнь хватило»

Как и за что воевал на востоке Украины **псковский десантник** и почему после этого он уволился из армии

Этот очень молодой человек служил по контракту рядовым в 76-й дивизии ВДВ в Пскове. Был механиком-водителем. Ему был 21 год, когда он в составе боевой тактической группы попал в бой под Луганском. Выжил и даже чудом не был ранен. За боевые заслуги получил медаль Суворова. И написал рапорт об увольнении. Сейчас он согласился рассказать «Новой», как и за что воевал.

— Я могу публиковать ваши настоящие имя и фамилию? — спросила я его в самом конце разговора.

— Нет, вот этого не надо. Хотя я сам не подписывал ничего насчет неразглашения, но за нас подписали. Уже после, когда мы вернулись из Луганска.

В августе 2014 года на кладбищах под Псковом начали хоронить десантников, погибших при неизвестных обстоятельствах. Когда выяснилось место гибели — Донбасс, где Россия официально никаких боевых действий не вела, когда журналисты узнали имена убитых, командование приказало посбивать таблички с крестов. Десантники, выполнявшие приказ Родины, стали безымянными и безродными, погибшими неизвестно как и за что. В 2018 году «Новая» еще раз побывала на этих кладбищах. Там появились новые могилы военных — с именами, датами и даже символикой десантуры. Уже никто ничего не скрывал, потому что стало бессмысленно. Да и не скроешь такое количество убитых. По надписям на памятниках было ясно, что гибли они уже не только в Донбассе, где «нас нет», но и в Сирии, где «мы есть». Но одно оставалось непонятно по-прежнему: гибли — на чьих войнах? За что?

В августе 2014-го на войну в Донбассе попал Вячеслав (имя изменено).

— У нас были учения в Псковской области, — рассказывает он. — После учений нас отвезли на псковский аэродром, оттуда — в Ростов. Уже в Ростове командир роты сказал, что теперь мы направляемся в Луганск. Для обеспечения... В общем, нам сказали, что надо сопроводить колонну с гуманитарной помощью.

— Ее вы и сопровождали?

— Нет. Мы ее не сопровождали. Я вообще ни одного грузовика с гуманитарной помощью не видел.

— Из каких регионов, кроме Пскова, еще были военные в Ростове?

— Да со всех городов. Танкисты с нами рядом были из Чечни. Не чеченцы, а воинская часть находится на территории Чечни.

— На вашей форме были знаки различия?

— Нет, нет. Это нам велели убрать еще в Ростове. И из телефонов приказали вытащить аккумуляторы. Потому что по телефонам нас могли обнаружить.

— Кто?

— Все подряд. Враги.

— Сколько вас было?

— Боевая тактическая группа — 90 человек. Рота.

Сначала мы неделю просто торчали в лесу.

— В палатках?

— Нет, палаток у нас не было. Просто в спальнях мешках. С собой у нас был сухпак, выдали еще в Ростове. Сказали, что если закончится, то нам еще подвезут.

— Оружие, боеприпасы?

— Этого было достаточно. У всех по штату. У меня — автомат. Были у нас БМД, КамАЗы. У артиллеристов были еще «нонки». Техника такая. Никто нам ничего не объяснял. Но из наших никто и не спрашивал. К тому, что будет дальше, нас никак не готовили. Но стрелять-то мы все умели, к войне нас всех вообще-то и готовили. Мы понимали, где находимся и что тут происходит. Обсуждать-то мы это никак не обсуждали, а думали только, чтоб живыми вернуться. У многих как-никак жены, дети. Но нам обещали дополнительно заплатить. По 50 долларов в день.

— А на обычной службе вы сколько получали в месяц?

— От 25 тысяч. Поэтому 50 долларов в день нам казалось в принципе неплохо. Понятно, что это не так много, тогда доллар был еще по 30 рублей. Но все равно. Через неделю нам сказали, что мы должны штурмовать две деревни. Один поселок я никогда не забуду, это Новосветловка.

— Вы понимали, что деревня — это мирные жители другой страны, с которой Россия вроде бы не воюет?

— Ну... Там просто были не мирные жители. И нам надо было их... Ну... Так сказать, уничтожить.

— Прямо так и звучал приказ — уничтожить?

— Да. Вот этих вот. Как мы их называли — бандеровцы. Которые носили нашивки со свастикой.

— Действительно носили? Прямо кресты, свастика?

— Ну... Некоторые носили. Конечно, не все... Но были, которые носили. На руке.

— Как в кино про войну показывают?

— Да-да. Вот когда воевали во Вторую мировую — немцы носили такую же.

— Почему вы должны были их уничтожить? Они на вас нападали?

— Нет. Но нам такой приказ дали.

— Вы понимали, что действуете на территории другой страны?

— Конечно, понимали. Но такой приказ. Ну я же тоже телевизор смотрю. Они там убивали мирных жителей каждый день, и насиловали, и детей расстреливали.

— Это вы слышали по телевизору?

— Да.

— Вы сказали, что деревню Новосветловку никогда не забудете. Что там было?

— Ну... В общем... Слишком много раненых оказалось. Половина группы была раненых. От пуль никто не пострадал, а в основном все от осколочных. От минометов. Вообще у нас был приказ доехать до следующей деревни, но мы до нее не доехали. Попали в этой Новосветловке. «Нонки» оказались, как говорится, на другой стороне. У нас остались только БМД.

— И как вы использовали БМД в деревне?

— Пушки. Из пушек стреляли наводчики.

— По деревне?

— Да. Да. Бой продолжался где-то около часа. Мы стреляли, по нам стреляли. В итоге нам удалось кого-то убить, а кто-то убежал.

— Вы кадровые военные, подготовленные люди.

Противостояли вам тоже военные?

— Честно — мы не знали. Пленных нам взять не удалось.

— А противнику удалось?

— Из нашей дивизии — нет. Из других — да, конечно. Если не ошибаюсь, из Ульяновской дивизии очень много в плен попало.

— Вы сами к этому времени много прослужили?

— Да, уже второй контракт. То есть четвертый год.

Жительница Новосветловки Светлана в своей разбитой снарядами квартире. «ЛНР», 2014 год

— Что вы делали после победы?

— Потом мы два дня находились в этой деревне. Обеспечивали покой мирных жителей.

— Дальше вы должны были продвигаться вглубь Украины?

— После того как мы после боя эти два дня в деревне простояли, нас собрали, чтобы ехать в аэропорт в Луганск. Но мы до него не доехали. Остановились недалеко от него, а на следующий день нам сказали: все, едем домой. И больше боев не было. Мы вернулись сперва в Ростов, там находились еще месяц. Потом к себе.

— Как вы возвращались в Ростов?

— Мы ехали на БМД. И на Украину, и обратно. Около пяти часов по времени.

— Ехали прямо по шоссе? На глазах у жителей?

— Нет, по песочной дороге. В смысле, по грунтовке. Но видели по дороге жителей, они нас тоже видели. Фотографировали все нас. Что туда, что обратно.

— Чтобы дойти до Луганска, нужно было пройти через государственную границу. Вы вообще заметили в какой-то момент, что переходите границу?

— Нет, просто ехали и ехали. Единственное, мы на блокпост наткнулись. Ополченцев. Нас спокойно встретили и дальше пропустили.

— Вы сказали, что знали, что действуете на территории другой страны...

— Да, только мы не знали, что нас туда отправили неофициально. Мы это только потом узнали.

— Те 50 долларов в день, которые вам обещали дополнительно начислить, как-то были оформлены в документах?

— Нет. Просто наш командир пообещал.

— Заплатили?

— Нет. Нам сказали, что нас там не было. Мы заблудились. Мы были на учениях и заблудились. И ничего не заплатили. Это было не в наших силах — добиться, чтобы заплатили. Потом нас еще и лишили премии, а это почти 20 тысяч. То есть мы должны были получить 50 долларов в день плюс премия, а не получили ничего этого.

— Но ведь у вас были раненые, им тоже не заплатили?

— Нет, раненым заплатили по миллиону. У нас погибших не было, но я знаю, что в других ротах женам, матерям погибших тоже заплатили по миллиону. У меня есть знакомая семья, им заплатили.

— Как получилось, что вы покинули армию?

— Так вот после этого и покинул. Нас хотели еще второй раз отправить. Много кто отказался. Кто-то по-

Блокпост ополчения у въезда
в Новосветловку. «ЛНР», 2014 год

Жители Новосветловки.
«ЛНР», 2014 год

«Мне сказали: или возглавляй ПВО, или — назад в Россию»

Владимир МУРАТОВ,
бывший командующий
войсками противовоздушной
обороны «ЛНР», — о трех причи-
нах участвовать в этой войне

— **Н**а поездку в Донбасс я решил летом 2014 года. Мне было 24. Вдохновил меня мой друг Ростислав Журавлев, журналист из Тюмени, сторонник Эдуарда Лимонова. Он видел «крымскую весну», затем был в Донбассе, участвовал в штурме Луганской областной государственной администрации, и все это в красках расписал мне на семинаре комсомола КПРФ Уральского федерального округа.

Для себя я выделил три причины ехать на войну. Во-первых, хотел попробовать свои силы: в вузе у меня была военная кафедра, и многое в уставе казалось мне лишним; на войне же выяснилось, что ничего лишнего там нет. Во-вторых — идеология: мой дед служил в 40-й Уральской добровольческой танковой дивизии. Сражался против нацизма. Как мы могли допустить нацизм у себя под боком? Ну и третье — меня поразили случаи, когда украинские снаряды разрывались на территории России — в Ростовской области. Был даже погибший. Это, считаю, агрессия против нашей страны.

В августе 2014-го в Екатеринбурге депутаты Законодательного собрания — Максим Серебренников, Елена Кукушкина — сформировали гуманитарный конвой. Я решил его сопровождать. Многие конвои в то время банально пропадали по пути: когда машины выезжали из региона, их содержимое отправлялось на продажу — коррупция. Наш конвой направлялся в город Донецк Ростовской области. Груз — дизельные генераторы, бронжилеты, медицинские инструменты — предназначался батальону Алексея Мозгового («Призрак»).

С людьми Мозгового мы встретились вскоре после прибытия в [ростовский] Донецк. На следующий день я сам пересек границу России на КПП «Изварино». Пограничникам сказал, что еду на рыбалку. Они посмеялись. Конечно, они понимали, зачем я еду в Донбасс. К тому времени там уже было очень много наших людей. Да, есть 359-я статья УК «Наемничество», но, честно, я не один раз общался с нашими пограничниками. Большинство из них после общения руку пожимают. Если бы не были при исполнении — тоже собрались бы и поехали.

В «ЛНР» со стороны населенного пункта Изварино меня встретили представители «Интербригад» — это воинские формирования сторонников Лимонова. Сразу же дали автомат Калашникова, боекомплект к нему.

Я попал во вторую роту. На тот момент распределение производилось по принципу «я его знаю». Меня представили командиру с позывным «Якут». Он как раз формировал спецназ 1-го батальона «Заря».

Но прослужил я у «Якута» недолго, всего два дня. При поступлении на службу бойцы заполняют анкеты, и я указал, что до приезда в Донбасс учился на военной кафедре, специализировался на противовоздушной обороне. И через два дня меня вызвали в Луганск, в штаб ополчения. С начальником штаба Сергеем Козловым (ныне премьер «ЛНР». — **И. Ж.**) у меня состоялся довольно жесткий разговор. Он заявил, что раз я специализируюсь на противовоздушной обороне, то должен буду сформировать силы ПВО республики. Я ответил, что не имею должного опыта и навыков работы на подобных должностях. Тогда он спросил: «Ты сюда приехал помогать или нет?» Я стоял, молчал. Хотел сказать, что готов помочь, но посылно. Он сказал: «Если отказываешься, собирай вещи, едь обратно в Россию». В итоге я согласился. И с 1 сентября 2014 года занял должность начальника войск противовоздушной обороны «ЛНР».

Сами войска противовоздушной обороны официально были созданы несколько позже — 9 сентября. Полевые командиры в принципе охотно откликнулись на создание в своих батальонах подразделений ПВО, потому что у многих были на вооружении зенитные установки калибра 23 мм. Были созданы взводы ПЗРК, вооруженные комплексами «Игла» и «Стрела». Оружие мы находили на брошенных складах ВСУ. После создания объединенной армии юго-востока был образован зенитно-ракетный дивизион из 250 человек, которые подчинялись непосредственно мне. В «Луганской народной республике» также были сформированы три отдельные мотострелковые бригады, в каждой из которых были зенитные батальоны — 130 человек. Подразделения, ориентированные на борьбу с авиацией, были созданы в танковых и артиллерийских батальонах.

Я не был чисто штабным офицером. Участвовал в боях. Благодаря нашему телевидению все знают о сражениях за аэропорт Донецка. Но в Луганске тоже был аэропорт. К середине сентября 2014 года его контролировал серьезный отряд ВСУ — около тысячи человек. С ними были военные советники из стран НАТО. Мы вели бои за аэропорт силами 2-й и 4-й отдельных мотострелковых бригад.

В ночь или с 13 на 14 сентября, или с 14-го на 15-е у нашего командования возникла идея накрыть территорию аэропорта артиллерией и под ее прикрытием подвезти к зданию автомобильную цистерну с горючим. 5 тонн. Вылить туда пять тонн горючки и поджечь. На эту операцию были брошены практически все силы, но реализовать ее не получилось: в машину, которая до аэропорта не доехала буквально 300 метров, попал снаряд. Чей — неизвестно: мог быть как украинский, так и наш, у наших ведь опыта почти не было. Водитель погиб.

Хорошо запомнил я вооруженные столкновения за населенный пункт Металлист. Там высота — 365 метров. Удобная точка для контроля за окрестностями. Пехоты не хватало, поэтому высоту с автоматами брали артиллеристы и зенитчики. Сначала ее взял батальон «Дон». Но на следующий день их выбили оттуда. Однако и украинцы больше дня там не продержались — мы вернули высоту себе.

Наше наступление на Донбассе было остановлено Минскими соглашениями. Населенный пункт Счастье, который мы уже готовы были брать, так и остался под контролем ВСУ.

Россия, к сожалению, сдала Донбасс. Хотя я убежден, что мы могли идти до Киева. 29 декабря 2014 года я уехал из «ЛНР». Свою должность оставил Олегу Анащенко, тоже специалисту по ПВО, бывшему полковнику ВСУ.

Записал **Иван ЖИЛИН**, «Новая»

том все-таки согласился. А кто-то, как я, не согласился. И нам сказали писать рапорт. Я написал и уволился.

— **И много уволилось по этой же причине?**

— Этого я не знаю. Знаю, что только в один день со мной рапорта написали еще три человека.

— **Почему согласились те, кто согласился?**

— На кого-то надавили. Кто-то получил за ранение миллион — и опять согласился. Ну и злые были после прошлого.

— **На кого и за что злые? Это же вы пришли к «бандеровцам», а не они к вам.**

— А мы-то что? Нам дали приказ, дело служивое.

— **Понятно. А злые за что?**

— Ну, не знаю... Некоторым просто понравилось.

Ну, кто на контракте, молодая кровь, повоевать охота. Одному особенно. Он был такой... Пряма Рэмбо. Такой политический. Постоянно вот эти политические темы трогал. В основном это был один мат. Что надо их, хохлов, блин... Надо просто выжигать.

— **За что?**

— Вот этого не могу сказать. Не знаю.

— **А вам понравилось?**

— Мне нет. Во-первых, не заплатили. Во-вторых, я на смерть посмотрел, и как-то мне на всю жизнь хватило. Страшно это, на самом деле. Мне на тот момент только 21 год был. Могут убить, а возраст еще молодой.

— **Но вы же шли в армию по контракту, значит, понимали, что может случиться и воевать?**

— Я не представлял этого. Просто потому, что никогда не видел. Хотя у меня вся семья была воевавшая. Прадед во Вторую мировую воевал, отец — в Афганистане, два брата Чечню прошли. Но они ничего не рассказывали. Я спрашивал, но они отвечали: в армию пойдешь — узнаешь.

— **Как близкие отнеслись к вашему увольнению из армии?**

— Сказали — правильно сделал. Слава богу, хоть живой вернулся.

— **Вы понимали, за что именно могли погибнуть под Луганском? За славу, за Родину? За большие, в конце концов, деньги?**

— Да ни за что я мог погибнуть. Но это я уже только потом понял. Просто был приказ. В результате ни славы, ни «за Родину», ни денег.

Ирина ТУМАКОВА,
фото **Анны АРТЕМЬЕВОЙ**, «Новая»

Количество осужденных трибуналами
в СССР за годы войны

ЗА ГОДЫ ВОЙНЫ ТРИБУНАЛАМИ БЫЛО ОСУЖДЕНО

2 530 663

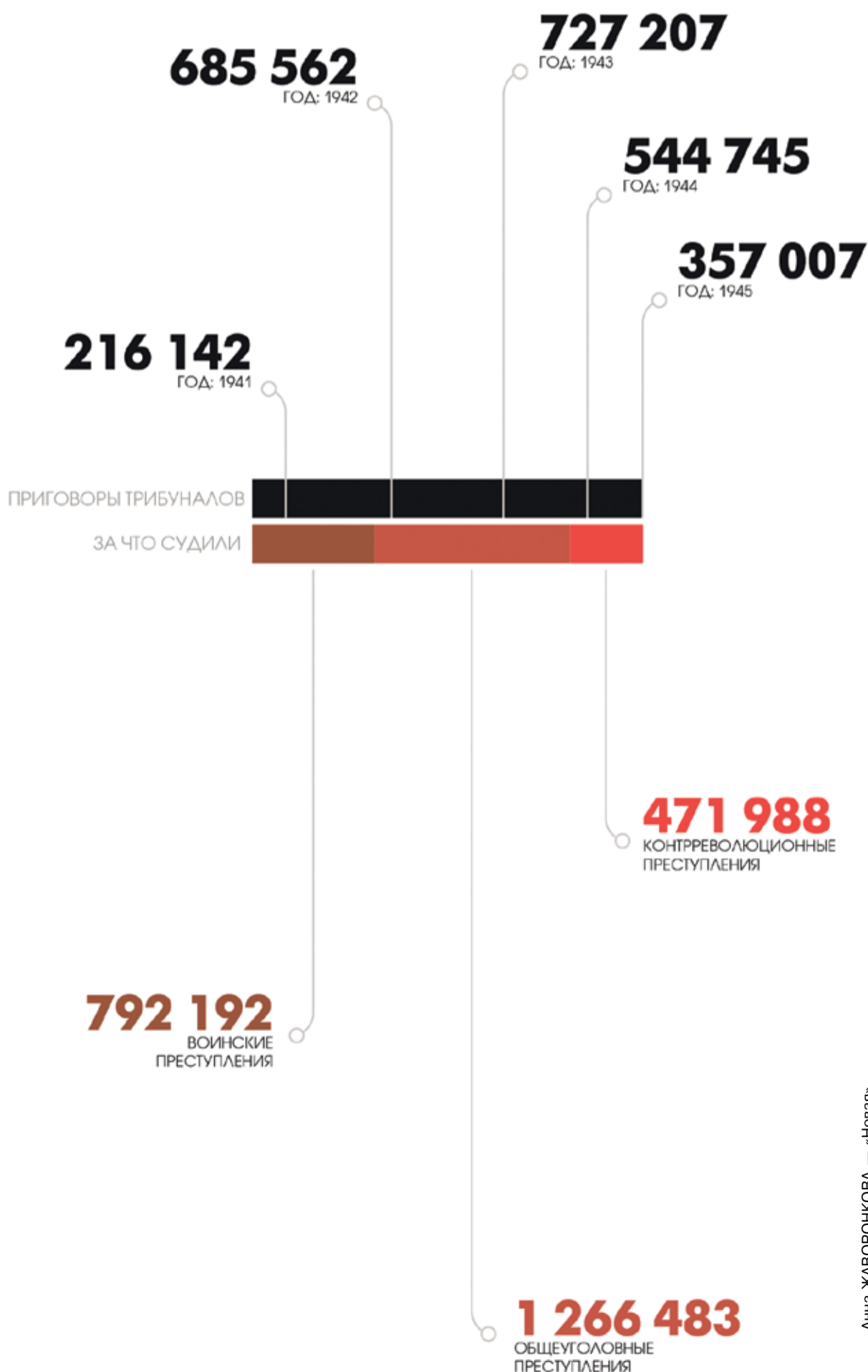
ИЗ НИХ СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР ВЫНЕСЕН

284 344

ИЗ НИХ РАССТРЕЛЯНО

157 593

ЧЕЛОВЕКА

Дожить

Павел
ГУТИОНОВ,
«Новая»

Они не брали Берлин,
не маршировали
по Красной площади
на Параде Победы.
Их расстреляли —
СВОИ

В 1949 году Главное военно-научное управление Генштаба, готовившее секретный «Стратегический очерк Великой Отечественной войны», разослало письма офицерам и генералам, занимавшим в начале блицкрига командные должности в пограничных округах, с просьбой предоставить воспоминания о боевых действиях летом 1941-го. Писать людям предлагалось, опираясь исключительно на собственную память, — большая часть документов дивизий, армий и округов, встретивших войну, оказалась в ходе тех самых боев, о которых просили рассказать, безвозвратно утрачена. Время к откровенности не располагало, и абсолютное большинство адресатов от ответа на запрос уклонились, причем многие, кто воспоминания все-таки прислал, просто ограничились пересказом доступных сводок Совинформбюро. Уже после смерти Сталина адресатам были направлены неоднократные напоминания, и ответы пошли более откровенные. В результате материалы только к концу 50-х были собраны, но так и остались в рукописи. Год назад свидетельства из сборника были рассекречены и изданы.

Вот, например, воспоминания генерал-майора П. Афанасьева, в начале войны заместителя начальника инженерных войск Прибалтийского особого военного округа:

«...С наступлением темноты, как только прекратились налеты авиации, часть 34-й армии, а с ней и УНС РУЯ бежали. Артиллерия, имевшая конную тягу, большое количество материальной части побросала, т.к. лошади в большинстве были побиты...

Вследствие чего при приезде МЕХЛИСА был расстрелян перед строем личного состава штаба армии начальник артиллерии генерал-майор ГОНЧАРЕНКО.

Расстреливать ГОНЧАРЕНКО было приказано начиншу армии полковнику ДУГАРЕВУ, который из-за отсутствия начальника штаба армии строил личный состав, в то же время являясь секретарем парторганизации штаба. На вопрос МЕХЛИСА «кто будет расстреливать?» комиссар штаба назвал его фамилию. ДУГАРЕВ и ГОНЧАРЕНКО в быту были друзьями, поэтому данный факт произвел на него сильное впечатление, и после этого ДУГАРЕВ стал просто пьяницей...»

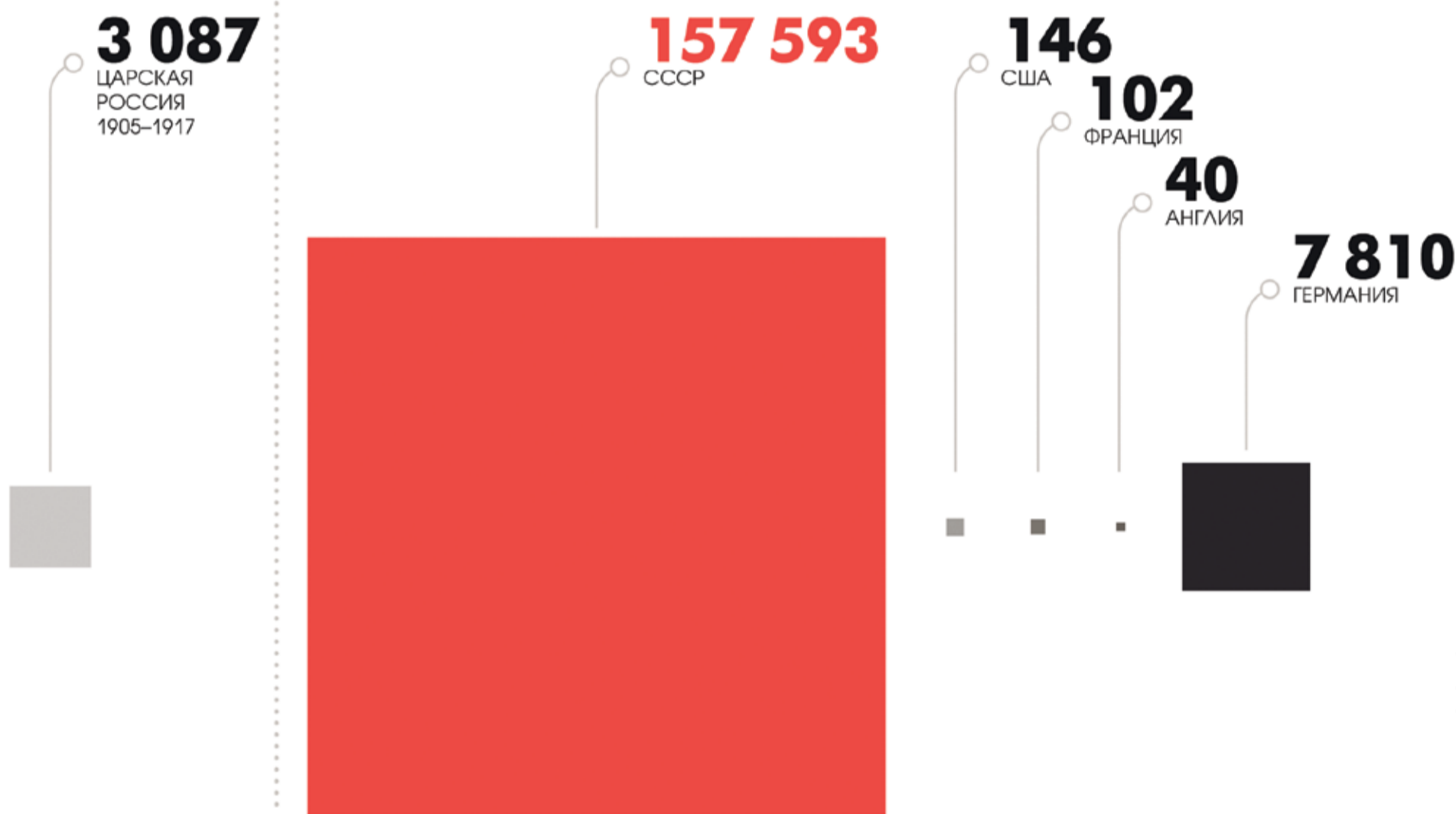
Шел июль 1941-го. Что такое «УНС РУЯ», я не знаю. О Мехлисе же много читал и слышал. В начале войны — главный политпропагандист Вооруженных сил. Человек, по всем без исключения отзывам, редкой личной храбрости, удивительного невежества в профессиональных военных вопросах и патологической жестокости. Где он появлялся, людей гнали в неподготовленные, бессмысленные атаки, неизменно заканчивавшиеся катастрофой, вслед за чем начинались недолгие поиски виноватых и бессудные расстрелы. В результате представителем Ставки Мехлиса на фронт посылать перестали, но число жертв его не подсчитано даже приблизительно.

Да один ли он такой был?!

Из перечня лиц высшего командного состава, репрессированных в 1941 году. Данные составителей одного из первых сборников рассекреченных документов «Скрытая правда войны» (1992 г.).

до расстрела

Количество случаев применения смертной казни на фронтах Второй мировой войны

Анна ЖАВОРОНКОВА — «Новая»

Арженухин Ф.К. — генерал-лейтенант авиации, Володин П.С. — генерал-майор авиации, Гольцев Н.Д. — генерал-майор, Гончаров В.С. — генерал-майор, Григорьев А.Т. — генерал-майор...

Всего 30 человек. Все впоследствии реабилитированы.

Общая же численность комначсостава старшего и среднего звена, который погиб в результате репрессий 1941 года, неизвестна, уточняют составители — историки П. Кньшевский, О. Васильева (нынешняя министр образования, кстати), В. Высоцкий и С. Соломатин.

А вот что пишет (уже в 2017-м) в своей книге «Война на весах Фемиды» Вячеслав Звягинцев (действительный государственный советник юстиции 3-го класса, бывший начальник аналитического отдела Арбитражного суда России):

«Работа военной Фемиды в годы войны действительно изобилует белыми пятнами. Если с довоенными репрессиями в армии мы в основном «разобрались», то применительно к военному времени — до сих пор на глазах повязка. Не у Фемиды — у нас с Вами! Официальная судебная статистика абсолютно не отражает реалий того времени. Опубликованные в последние годы таблицы и списки (даже о количестве репрессированных лиц из высшего комначсостава) далеко не полные. На самом деле, по подсчетам автора, только за первый военный год (с 22 июня 1941 года по 21 июня 1942 года) было подвергнуто арестам 107 человек (1 маршал, 72 генерала, 6 адмиралов, остальные — командиры дивизий и высший политсостав; из них 45 чел. приговорили к расстрелу, в т. ч. 34 генерала, 10 чел. умерли в заключении). Причем, надо заметить, этот список далеко не полный. В него не вошли генералы, аресто-

ванные до войны, но осужденные в годы войны; генералы, точная дата ареста которых неизвестна (генерал-майоры К.Я. Архипчиков, Я.П. Лиепиш, А.Н. Крустыньш, генерал-майоры артиллерии В. И. Жилис, Г.Ф. Бреде и другие, арестованные летом 1941 г.), а также генералы, заочно осужденные Военной коллегией Верховного суда СССР.

Добавим к этому, что, по данным исследователя А. Печенкина, в период Великой Отечественной войны погибли и умерли от различных причин 458 генералов и адмиралов. Репрессиям подверглись свыше 90 генералов и адмиралов. Из них 54 чел. погибли (48 — расстреляли, 6 — скончались в тюремных застенках), что составило почти 12 процентов общих потерь советского генералитета за весь период войны...»

Это — генералы! А что говорить об офицерах, сержантах, рядовых?

Из донесения начальника Управления политпропаганды Юго-Западного фронта бригадного комиссара Михайлова от 3 июля 1941 г.:

«...За период с 29 июня по 1 июля в частях 6-го стрелкового корпуса задержано дезертиров и возвращено на фронт до 5000 человек. 3-м отделом (особым отделом. — П. Г.) расстреляно по корпусу 100 человек дезертиров.

Из числа бежавших с фронта командирами частей расстреляно за дезертирство 101 человек.

В 99 сд (стрелковой дивизии. — П. Г.) из числа приписников западных областей УССР во время боя 80 человек отказались стрелять. Все они командованием расстреляны перед строем.

Командир роты 895 сп 139 сд... (фамилия снята цензурой архива. — П. Г.) во время боя самовольно снял роту с фрон-

та и пытался отходить. Командир дивизии генерал-майор Смехотворов тут же застрелил его...»

Историк ленинградской блокады Никита Ломагин приводит докладную записку особого отдела НКВД Ленинградского фронта, адресованную представителю Ставки Ворошилову: только с мая по декабрь 1942 года за шпионаж, вредительство, изменнические намерения, пораженческую агитацию, дезертирство и членовредительство было арестовано почти четыре тысячи солдат и офицеров, из них к высшей мере наказания приговорены 1538 человек.

И еще документ, с которого снят гриф секретности. **Приказ войскам Юго-Западного фронта от 12 декабря 1941 г.:**

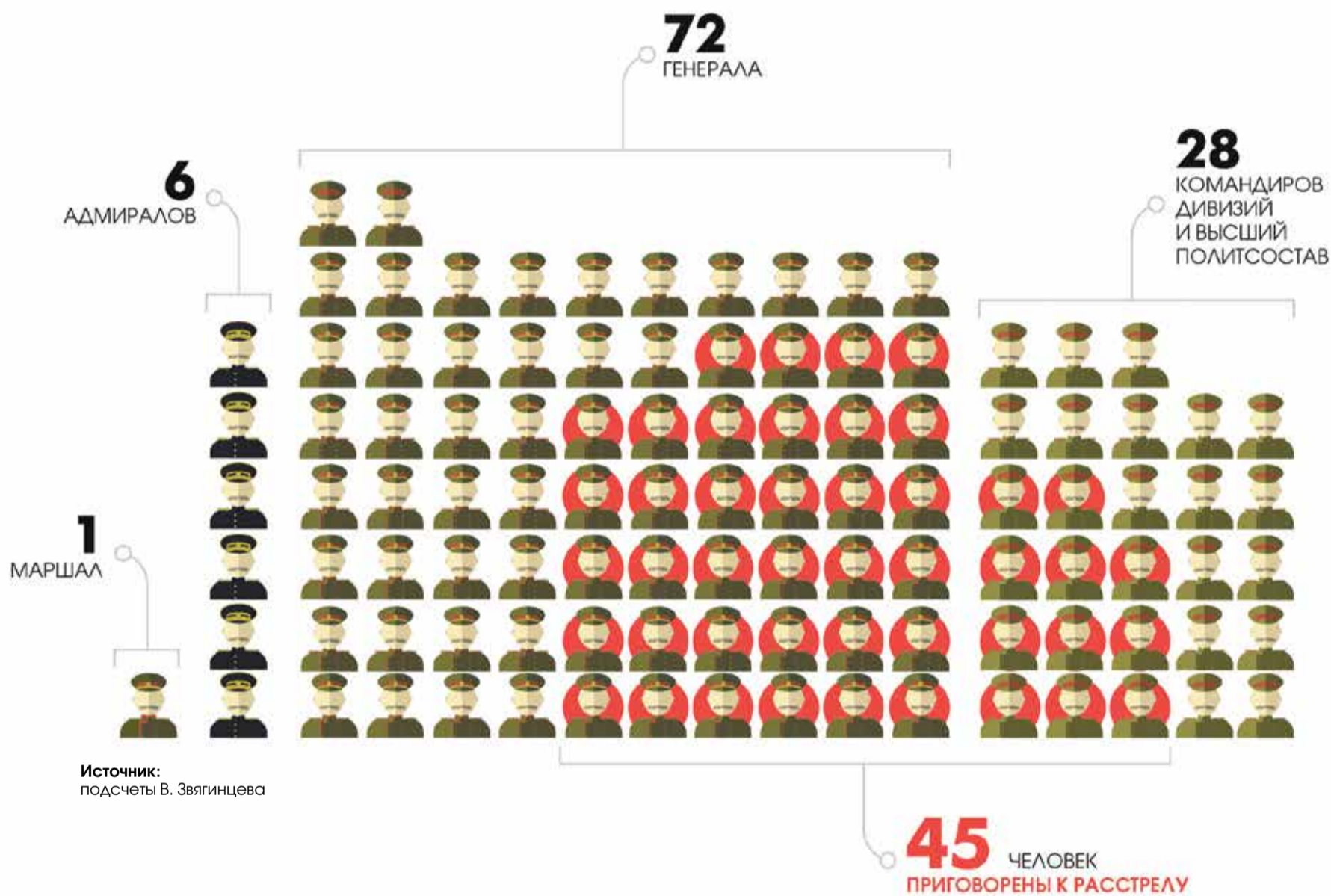
«Военный прокурор ЮЗФ представил мне данные, свидетельствующие об имеющихся место случаях превышения власти, самочинных расстрелах и рукоприкладстве со стороны отдельных командиров частей по отношению к своим подчиненным.

Нередко эти действия совершались в пьяном состоянии на виду у красноармейских масс и местного населения. (Следуют примеры.)

Эти и подобные им другие возмутительные факты имели место уже после издания Приказа наркома обороны т. СТАЛИНА И.В. № 0391 от 4 октября 1941 г. «О фактах подмены воспитательной работы репрессиями» и свидетельствуют о грубейшем игнорировании некоторыми командирами частей этого важнейшего приказа... Командующий войсками ЮЗФ С. Тимошенко, член Военного совета ЮЗФ Н. Хрущев».

ДОЖИТЬ ДО

О количестве репрессированных лиц из высшего командного состава, в период с 22 июня 1941 года по 21 июня 1942 года

В послевоенные десятилетия обо всем этом не упоминалось и вслух не говорилось. А что говорилось?

Законы военного времени способствовали созданию наиболее благоприятных условий для разгрома фашистских захватчиков. Они обеспечивали единство действий армии и народа, слияние фронта и тыла в единый боевой лагерь. Проведение этих законов в жизнь повышало у советских людей чувство долга, политическую и трудовую активность, ответственность за выполнение возложенных на них обязанностей. Всей своей деятельностью судебные органы воспитывали граждан СССР в духе преданности Родине и делу социализма, в духе точного и неуклонного выполнения законов Советского государства и прежде всего законов военного времени, бережного отношения к социалистической собственности, добросовестного и честного отношения к государственному, общественному и воинскому долгу, уважения правил социалистического общежития.

Характерной особенностью деятельности военных трибуналов во время войны была меткость и гибкость судебной репрессии. Сурово карая шпионов, предателей, паникеров и злостных дезертиров, военные трибуналы в то же время применяли к лицам, совершившим преступления, не представлявшие особой опасности, или случайно провинившимся, отсрочку приведения приговоров в исполнение до окончания военных действий с направлением осужденных в штрафные части, где им предоставлялась возможность искупить свою вину перед народом.

Во время войны был усилен надзор за строгим соблюдением законов, направленных на укрепление обороны СССР...

И вот в 8-м номере журнала «Государство и право» за 1995 год генерал-полковник юстиции А. Муранов опубликовал статью «Деятельность органов военной юстиции в годы Великой Отечественной войны», в которой впервые были опубликованы статистические данные. Очень серьезно меняющие наши представления о том, как мы воевали и как победили.

За годы войны трибуналами было осуждено 2 530 663 человека. Из них смертный приговор вынесен 284 344. Из них расстреляно 157 593.

Сто пятьдесят семь тысяч пятьсот девяносто три человека! Примерно пятнадцать дивизий!

И это без учета работы судов общей юрисдикции, особого совещания при НКВД и внесудебных расстрелов органами СМЕРШ, заградотрядами и наводящими порядок в войсках разнообразными мехлисами. Да еще давайте учесть последствия знаменитого приказа Ставки № 270 от

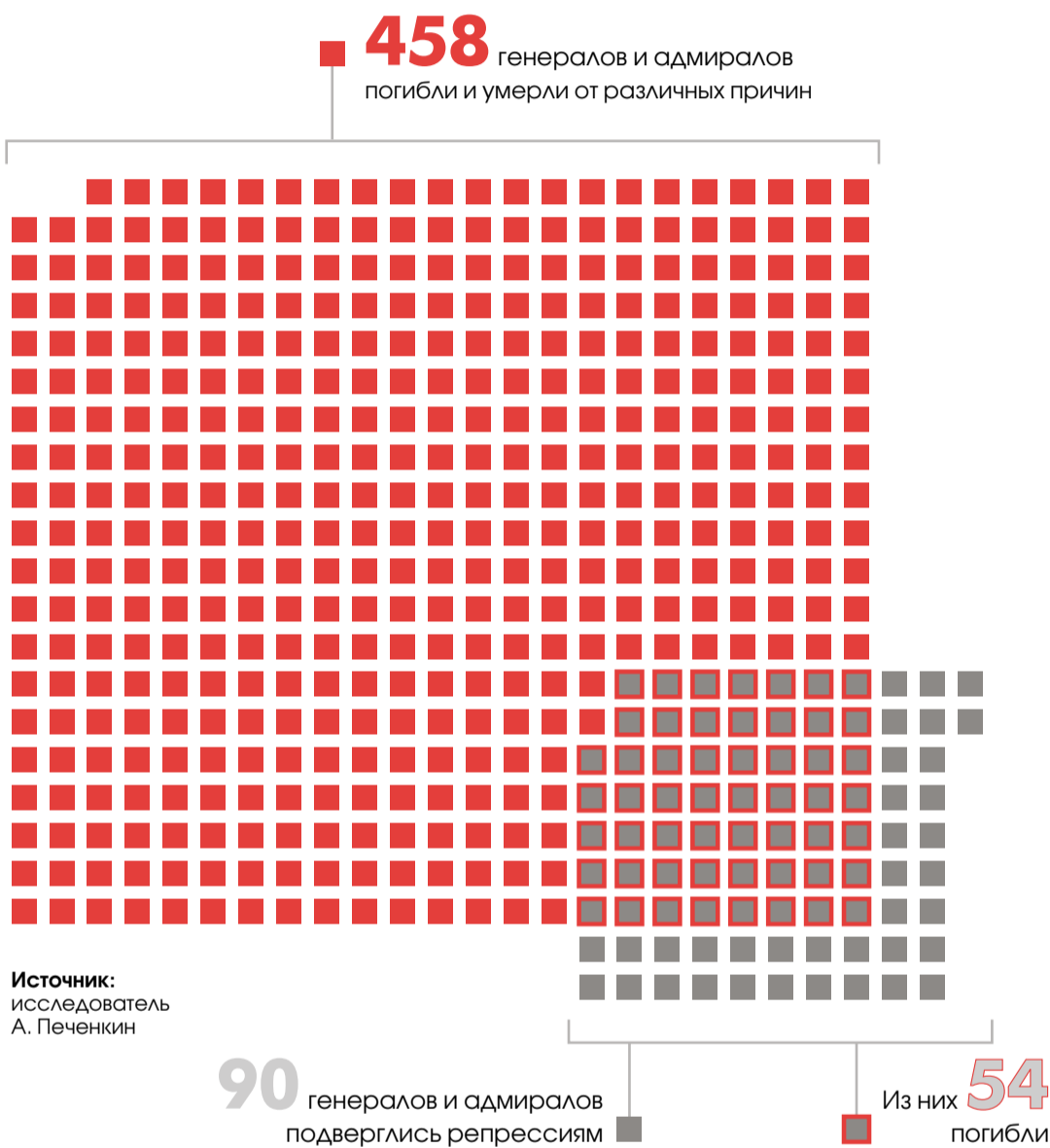
16 августа 1941 года: «...Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава... Обязать каждого военнослужащего, независимо от его служебного положения, потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и, если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать в плен, — уничтожить их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи...»

Но подсчитаны только приговоры трибуналов. С четкой раскладкой по годам: в 41-м — 216 142, в 42-м — 685 562, в 43-м — 727 207, в 44-м — 543 745, и в 45-м — 357 007 человек.

«В боевой обстановке реальной большой войны, — считает российский генерал, наш современник, — единственной эффективной формой наказания за широкий спектр преступлений является расстрел»

расстрела

Статистика смертности высшего командного состава в период Великой Отечественной войны

Вероника ЦЮЦКО — «Новая»

За что же судили?

За воинские преступления — 792 192 человека, за общеуголовные — 1 266 483 и, наконец, за контрреволюционные — 471 988.

Почти полмиллиона контрреволюционеров было обезврежено, подумайте только! В том числе те, кто сказал в кругу товарищей: «Все-таки «мессер» — хороший у фрицев самолет, мать его так!» В том числе те, кто поделился сорокой на хвосте принесенной новостью из соседнего батальона... В том числе те, кто подобрал немецкую листовку и сунул в карман для самокрутки... Все это считалось «изменой Родине».

Дошло до того, что в ноябре 1942 года начальник Главного управления военных трибуналов наркомата юстиции и главный военный прокурор Красной армии были вынуждены издать совместную директиву «О необоснованном возбуждении дел и осуждении военнослужащих по ст. 58—10, ч. 2 УК при обнаружении фашистских листовок, когда не обнаружено злонамеренности лиц, у которых обнаружены листовки».

А если osobistu захотелось обнаружить именно «злонамеренность»?

В сентябре 42-го особый отдел 56-й армии арестовал 24-летнего офицера Елизара Мелетинского, обвиненного в шпионаже. Он знал немецкий, служил в разведоте, и погубили его найденные в полевой сумке русско-немецкий разговорник и книга лютеранских псалмов, офицер забрал их у пленного. Это послужило основанием военному трибуналу приговорить будущего всемирно признанного лингвиста к десяти годам

лагерей — «за антисоветскую агитацию с целью разложения Красной армии». В приговоре было уточнено, что еврей Мелетинский «восхвалял фашистский строй и Гитлера». В своих послевоенных воспоминаниях Мелетинский напишет, что среди других вместе с ним арестованных и ложно обвиненных в государственной измене оказались два совсем юных неграмотных парня, призванных из соседней деревни. Их приговорили к смертной казни и расстреляли.

Уже упомянутый генерал Муранов отмечал, что «наибольшее число неправомερных приговоров во время ВОВ было вынесено по делам о контрреволюционной пропаганде и агитации». Эти дела были особенно просты для расследования и сильно способствовали карьерному росту следователей.

Другой генерал, наш современник, недавний замминистра последовательно в нескольких силовых ведомствах, решил высказаться в фейсбуке на тему: «Штрафные роты и штрафные батальоны как особая форма военного гуманизма».

«В боевой обстановке реальной большой войны, — пишет он, — единственной эффективной формой наказания за широкий спектр преступлений является расстрел... Наличие возможности отправить совершившего преступление военнослужащего (рядового или сержанта) в штрафную роту, а офицера — в штрафной батальон, вместо того чтобы расстрелять его на месте, существенно меняет как ситуацию управления в боевом подразделении, так и дисциплинарную практику».

А теперь посмотрим на статистику применения смертной казни на фронтах Второй мировой нашими союзниками по Антигитлеровской коалиции.

Британские военные трибуналы приговорили к смерти 40 своих военнослужащих, французские — 102, американские — 146.

«Патриот» скажет: вот так они и воевали, сдувая с себя пылинки!

Но неужели действительно наша армия оказалась самой недисциплинированной и самой ненадежной? У нас, напомню, таких «пылинок» набралось на 15 дивизий — мародеров, дезертиров, самострелов, изменников, террористов, диверсантов, контрреволюционеров, паникеров, трусов... Не оскорбительно ли звучит по отношению к армии-победительнице? Но, может быть, это просто такая наша национальная традиция — бить своих так, чтобы чужие боялись? Готовя этот материал, я долго искал данные по старой царской армии времен Первой мировой войны. Сводной цифры не нашел, никто из знакомых историков подсказать не смог. Но с 1905 по 1917 год повешено и расстреляно в России было — 3087 человек.

Остается только для полноты картины обратиться и к статистике вермахта. За пять лет войны, с 1 сентября 1939 по 1 сентября 1944 года, по приговорам германских военных трибуналов казнено 7810 человек.

Давайте уж договорим до конца: либо — либо. Либо карательные органы советской власти, используя невиданные в мировой военной истории террористические практики, обеспечили победу в войне армии, не желающей и не способной защищать Родину. И тогда вечная наша им благодарность за это. Либо — победа пришла ВОПРЕКИ всем их стараниям. Злобный, лживый, бесчеловечный режим просто не знал другого способа бороться за свое существование. Из всего комплекса многовековой народной мудрости он усвоил только одно: лес рубят — щепки летят, но весь лес перевести на щепки не сумел. Народ выстоял и перенес даже это.

24 мая 1945 года Сталин на приеме в Кремле произнес свой знаменитый тост:

«У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа советскому правительству оказалась той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!..»

Чтобы никто не смог сказать Сталину: «Вы не оправдали наших ожиданий», и работала не покладая рук огромная карательная система, крушившая без разбору и тех, кто действительно не верил «в правильность политики своего правительства», и тех, кого только заподозрили в этом.

И последнее.

Сталин назвал цифру военных потерь Советского Союза, не особенно даже заморачиваясь ее правдоподобием: 7 миллионов. Хрущев повысил ее до 20. При Горбачеве она выросла до 27...

Скорее всего, точную цифру мы узнать не сможем никогда, не захороним всех «пропавших без вести» на полях от Бреста до Вязьмы, от Варшавы до Будапешта.

Два года назад на слушаниях в Государственной думе прозвучала новая ошеломляющая цифра: 42 миллиона. Нормальное человеческое сознание воспринять ее неспособно.

«Можем повторить?»

Павел ГУТИОНТОВ,
«Новая»

«Победу отнимут у народа те, кто за вашими спинами скрывался»

Письма
Виктора АСТАФЬЕВА

Алексей
ТАРАСОВ,
«Новая»

Десять лет назад вышел в свет том писем Виктора Астафьева «Нет мне ответа... Эпистолярный дневник. 1952–2001 годы». Перед выходом его в свет составитель и издатель Геннадий Сапронов дал «Новой газете» верстку книги и право первой публикации выбранных редакцией писем (№ 42, 46 за 2009-й). Выбрали много, выбрали бы все: голоса Астафьева не хватает. Он ушел в 2001-м, и та жизнь, в которой он еще был, выглядит отчетливо другой. Не только из-за внешних обстоятельств. Там был этот великий старик, что смел говорить правду не только власти, но и самому народу о нем самом, — и имел на то все основания. Таких обоснованных и твердых слов не хватает все больше. Особенно на фоне мультимедийного оружия возмездия, смакования нашей отороженности («радиоактивный пепел»), Донбасса, повсеместной Юнармии, «Сарматов», «...они все сдохнут», подтверждений подготовки к войне не только из уст генералов, но и дипломатов, и политиков. Эти письма точно адресованы и нам сегодняшним. Мы продолжили публиковать их в 2015-м (№ 30–31), сегодня — очередная часть.

Красноярск

5 января 1967 г.
(А.Н. Макарову)

<...> Ввожу я одну для меня очень важную мысль в рассказ («Ясным ли днем». — А. Т.) о том, что Сергей Митрофанович как человек бездетный, для которого все дети — его дети, чувствует вину перед ними за то, что они снова идут служить. Хотя он верил, что та война, которую он отвоевал, была последней и его муки и увечья были последними. А еще за то, что поют они «ча-ча-ча», и еще за то, что речка грязная, леса порублены, и за неустроенность, за смуту, оставленную в ребяческих душах. Все ведь это не с неба к ним свалилось, во всем, что есть плохого, и наша вина, наша беда — это ведь только «святыне», «непорочные» старперы ругают молодняк так, как будто к нам их с Марса в коробке свалили. А они ведь наши, наши!..

20 декабря 1974 г.
(В.Г. Распутину)

<...> Очень ты хорошо написал повесть («Живи и помни». — А. Т.), Валя! Очень! Я такой образцовой, такой плотной и глубокой национальной прозы давно не читал в нашей современной литературе. Да и есть ли она? Есть приближенная к этой, но то ей неприбранность мешает, то нравственная неясность позиции автора, которому и хочется, и колетса что-то сказать, да «внутренний цензор» мешает. Ты написал роман (конечно же, это роман) о трагедии войны, вот именно народной войны, а то у нас все это слово понимают и принимают в смысле массовости, но смысл всего происшедшего гораздо глубже. Как-то на фронте слышал, уж не помню, по какому случаю, сказанное умным человеком: «Молокососы! — это нам, юнцам говорились. — Что вы тут хлещетесь, под пулями работаете, надеясь, что потом вас на руках носить будут, помогут вам в жизни. Ни хрена! Как всегда, победу отнимут у народа те, кто за вашими спинами скрывался, и чтоб ее отнять у вас, поперед вас и бедных баб высунутся, вас с говном смешают, сделают безликой массой, принизят ваше значение, оплюют ваш тяжкий труд на войне и в тылу...»

Примерно вот такое, в окопах, на передовой — там ведь нам свобода полная была, болтай, чего хочешь, — начальство-то, особенно надзорное, берегло свои жизни и отиралось во втором эшелоне.

Это уж потом, отнимая нашу победу, повысовывалось вперед столько всякого народу, что мы оторопели: вот, оказывается, кто подвиги-то совершал — журналисты, артисты, кинохроникеры, контрразведчики, тыловики всех мастей, а генералы так прямо носом землю рыли на передовой, ну а уж комиссары, те просто только и кричали: «Коммунисты, вперед! Коммунисты, вперед!» и грудью перли на врага, а мы лишь им помогали, пушки таскали, кур воровали, картошку лопали и вшей кормили, ну, изредка стреляли. Ну, бомбили нас, убивали, ранили не по разу — экая невидаль, это совсем никому и неинтересно! У нас комиссар, замполит артиллерийской бригады на фронте брюшком обзавелся, румянец на его щеках земляничный наспел, ездил на машине, застеленной ковром, спал на простынях, кушал с отдельной кухни и ни разу — ни разу! — я его не видел на передовой, где нам курить завернуть не во что было, а уж о жратве и говорить нечего...

А как они в штабах выпячивали грудь, обнимали именем народа таких вот, как твой мужик, уставший от войны, — видимость работы, занятость свою на войне надо ж было где-то и на ком-то проявить. При переправе на плацдарм на левом берегу оставались три сотни чиновного люда, заградотряды поставили, все чего-то бегали, указывали, руководили, все в поту, глаза на лбу, а на ту сторону плыть-то и неохота. Ну, а уж о бабах и говорить нечего. Твоя Настена в их общем ряду страдальческом только тобой понята и написана. Но концовка... (Викулов читал из письма твоего на редколлегии) и в самом деле скомкана, в сравнении с остальным обстоятельным текстом.

<...> Один въедливый читатель написал мне, что да, повесть Распутина — это отдельно от всей литературы стоящая вещь, и долго ей жить, но все-таки Распутин окончил трагедию там, где у Достоевского она только начиналась... Не во всем тут можно согласиться с саратовским читателем, но что-то есть в этих словах, и в точку.

<...> А я все живу воспоминаниями о Байкале! Очень хорошие несколько дней прожито, так и стоят в глазах горы с прожилками снегов, море цветов на склонах, роспуски голубых незабудок. Толстой говорил: «Пусть она, эта цивилизация, погибнет к чертовой матери, вот только музыку жалко», а мне природу. Цветы вот эти, пташек, почему-то особенно маленьких, и еще ребятешек.

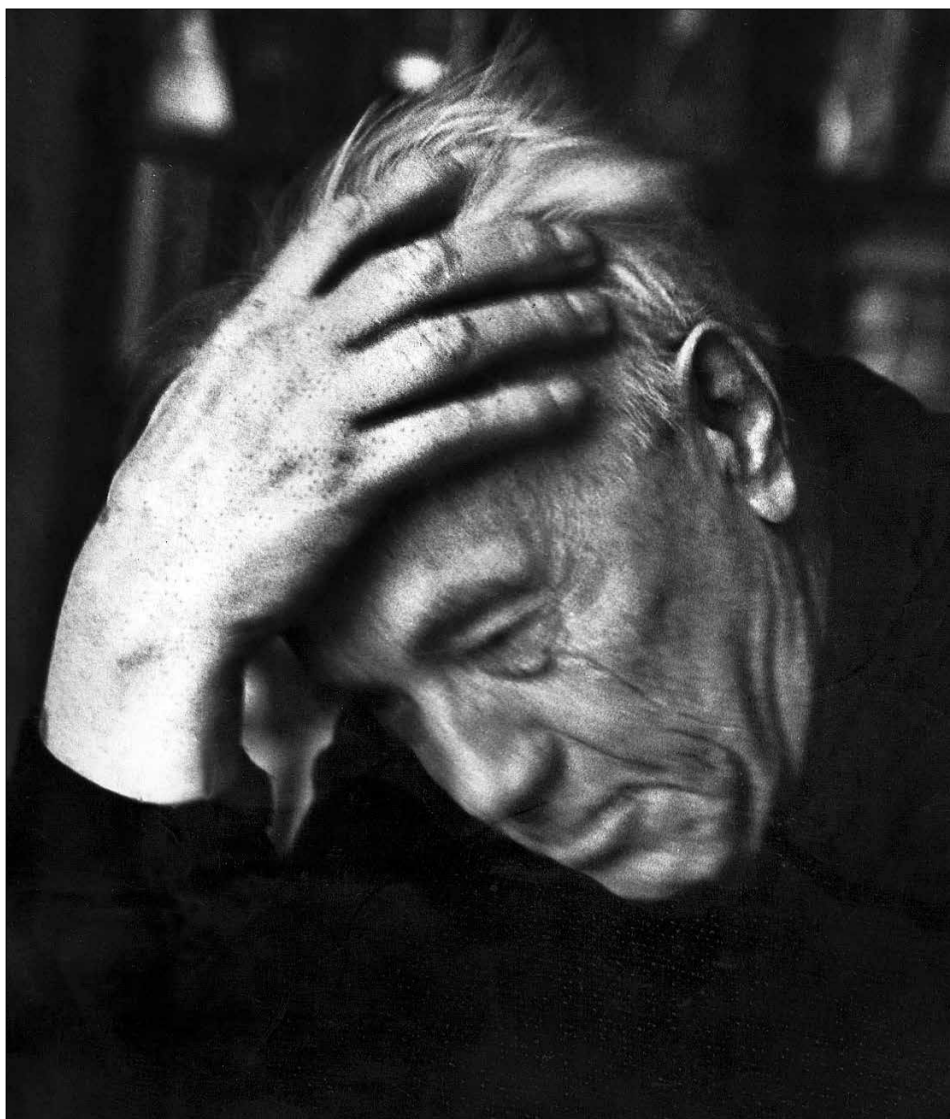
19 февраля 1980 г.
(Ю.Н. Сбитневу)

<...> Одного хочу — не дожить до следующей войны. Мне не перенести ее будет, ибо я знаю, что ждет наших детей, внуков и русский народ, точнее, остатки его, уже раздробленные, полуассимилированные, деморализованные. Кто-то дышит нашему народу в затылок, подгоняет его, подталкивает к скорейшему концу. И кто это, я понять до конца не могу, ибо он занимается самопожиранием, как будто изжил сам себя, но для великого народа слишком малый срок, чтобы заболеть белокровием. Может быть, мы и не были великими? Может, так в детстве и застряли? Стадное чувство, рабство, душевная незрелость, робость перед сильной личностью вроде бы к этому склоняют, но великая культура, небывало самобытное и величайшее искусство, созданное за короткий срок, — живое свидетельство зрелости нации.

Так что же за ветер низовой, каменный сметает нас с земли, как осеннюю листву?! Легко было бы все спереть на евреев, как это делают «защитники» нашего народа за столом цэдээл, очень легко и самоутешительно, да проходишь и этот рубеж, доходишь до самоуглубления и в себе где-то смутно ощущаешь и причины, и вину за происходящее и за будущее. Страшнее будет тем, кто ощутит это уже не смутно, а отчетливо, в ком пробудится ум, мужество судить себя и нас открыто, но будет это уже как румянец и половое возбуждение, которое происходит у чахоточных людей перед самым угасанием. Поздно будет!

17 июня 1982 г.
(В. Кондратьеву)

<...> мы воевали на пределе всего — сил, совести, и вышла наша победа нам боком через много лет. Бездарные полководцы, разучившиеся ценить самую жизнь, сорили солдатами и досорились! Россия опустела, огромная страна взялась бурьяном, и в этом бурьяне догнивают изувеченные, надсаженные войной мужики. Зато уж наши «маршалы», как они себя называют, напротив, красуются на божнице, куда сами себя водрузили. Тут один курносый, безбородый и беспородный «маршал», видно, из батраков, да так на уровне деревенского неграмотного батрака и оставшийся, Белобородов

Анатолий БЕЛОНОГОВ

или кто-то ему подобный договорился по телевизору: «Герои наши солдаты, герои, переходили Истру по пояс в ледяной воде, проваливались в полыньи, тонули, а все-таки взяли город. Первая наша победа!» И ему хлопают, а его бы в рыло хлопнуть и сказать: «Ты, тупица набитая, хвалишься своим позором! Немцы под Москвой! Кругом леса, избы, телеграфные столбы, марево кругом, солома и много чего, а у тебя солдаты Истру переходят по пояс в ледяной воде...»

Да ведь не поймет, ибо такому нравилось гнать солдат вброд, что и на Днепре переправлялись на сподручных средствах, сотни людей утонули. Хоть один сукакомандующий попробовал бы под огнем плыть на этих «сподручных средствах».

Я только теперь и понял, что сами эти разрядившиеся и с помощью генералиссимуса разжиревшие враги нашему народу и своему отечеству самые страшные еще потому, что, сытые и тупые от самодовольства, ничего не знают и знать не хотят о своем народе, и обжирали, и обжирают его со всех сторон.

Самое страшное еще в том, что они породили себе подобных тупиц и карьеристов, «ржевская битва» всегда может повториться, только формы и размеры ее сейчас будут катастрофически огромными.

Словом, сунул ты им в рыло книгу («Сашку». — А. Т.), кирпич необожженный, да ведь отвернутся, они уже и классиков не читают, они уж вон «прощай, дорогой товарищ» на могиле своих «друзей» по бумаге говорят. <...>

23 января 1983 г., Красноярск (В.Я. Курбатову)

<...> Так решил я смутную-то вещь отложить и взяться за главное, ибо услышал тут мудрое изречение Курчатова, что можно всю жизнь растащить на дела второстепенные и что надо, как он, всегда заниматься только главным делом. Для него этим главным были атомная и водородная бомбы, оставленные нам на добрую память, и как мы главное дело его поборем нашим главным — не знаю, но явные сдвиги есть.

Мой невзрачный и умный внук Витенька спросил тут у бабы, когда, с какого возраста принимают на комбайн? Бабушка, естественно, поинтересовалась — зачем ему это? «А я не хочу никого убивать», — ответил он. Вот если человечество так проникнется, успеет

проникнуться отвращением к войне, то уже в эмбриональном состоянии его будет рвать от запаха пороха, и можно будет говорить серьезно о мире и разоружении. Все, все, от мала до велика, должны напиться отвращением к убийству, иначе ничего не выйдет и все словеса и усилия наши впустую.

24 января 1990 г., Красноярск (адресат не установлен)

Уважаемый тов. Струнников!

Ваше гневное и во многом справедливое письмо переслали из Верховного Совета мне. Я хотел бы переслать его в газету — еженедельник «Ветеран», если Вы не возражаете. Я попрошу его напечатать, чтобы дать укорот некоторым «героям» из «политобоза».

Везде хорошо, где нас нету — гласит русская поговорка. И на фронте, и в тылу было ох как тяжело. Только на настоящем фронте,

**Носом, как котят слепых, надо тыкать
в нагаженное место, в кровь, в гной, в слезы —
иначе ничего от нашего брата не добьешься**

то есть на передовой, только в настоящем тылу, то есть на производстве, у станка.

В Вашем страшном городе, когда ставился там завод и станки работали под открытым небом (с каким героическим пафосом это показано в нашем «киноше-двре» — «Вечный зов!»), уже в конце сорок третьего года многие люди, особенно ребята и женщины, не возвращались со смены. Они замерзали на пути в рабочие бараки, и весной на территории завода вытаскивали десятки тысяч трупов. Их сгребали лопатами, граблями в кузова и хоронили в общих ямах — так ставил «на крыло» нашу побитую авиацию комбинат Вашего, ныне сверхзагрязненного, смертельно больного города. А он не самый грязный в стране. Есть грязнее, и много грязнее.

Но и на фронте, голубчик мой, Струнников-гневный, многие и очень многие из первого боя не возвращались. Раненых часто и очень часто бросали замерзать, а иные бедолаги, и до фронта не доехав, погибали. А уж паек наш, Господи! Если бы не «бабушкин аттестат», то есть

если бы мы не воровали, не мародерничали, то все и позагигались бы с голодухи.

Да, нам полагалось кило хлеба на день (у немцев 600 граммов), но часто вместо хлеба выдавали два клеклых сухаря, да еще селедку к ним добавят в безводной местности. Немцам к 600 граммам давали сливочное масло, галеты, печенье, сахарин и т. д. и т. п., а нам затыкали горло этой пайкой. Анекдот фронтовой тогда родился: немцы по радио агитируют: «Рус! Иван! Переходи к нам! У нас шестьсот граммов хлеба дают!» А в ответ: «Пошел ты на хрен, у нас кило дают, и то не хватает!»

Я рядовой окопный, трижды раненый боец (пишу и работаю с одним зрячим глазом, поэтому на клетчатой бумаге), не пользуюсь подачкой — а это именно подачка — больше слов, чем харчей, хотя и прикреплен к магазину, где убожают инвалидов войны (я инвалид 2-й группы), у меня пенсия персональная — 152 рубля. Инвалидной книжкой я воспользовался всего несколько раз — при безвыходном положении. Так же ведут себя и мои собратья-фронтовики, а нагледю «политобозники» из армии Брежнева — Вы правы. Они и на фронте хорошо жировали.

Сам будущий вождь был большой спец по молодым бабам, да больше ему и заниматься нечем было, как шупать медсестер и окопфронтовых пэ-пэ-жэ.

Нашего брата, истинных окопников, осталось мало (и я пишу Вам из больницы), конечно, не все, далеко не все они вели себя достойно в послевоенные годы, многие малодушничили, пали, не выдержав нищеты, унижений, — ведь о нас вспомнили только 20 лет спустя после войны, и коли Брежнев бросил косточку со своего обильного стола, наша рабская кровь заговорила, и мы уже готовы целовать руку благодетеля, забыв добрый совет великого русского поэта: «Избавь нас, Бог, от милостей монарших и от щедрот вельможных отведи».

Но — «не судите да не судимы будете!»

Всех чохом загребая, Вы обижаете и тех, кто вынес эту жизнь такой, какой она ему досталась, и несли свой крест мои собратья, да и несут еще стоически, пусть и рабски, но никого не объедая и не ушибая. У меня осталось семеро друзей на этой земле — в одном взводе работали, муки принимали такие, что и вспоминать о них тяжело. А унижение! А обиды! А наветы! А объедаловка! Ох-хо-хоооо! — армия-то, в принципе, не изменилась, любуйтесь на нее! Дивуйтесь! Так вот, из семи моих братьев по окопу один лишь в большие начальники вышел. Ныне все пенсионеры,

никто ни разу не сидел в тюрьме, не украл крошки хлеба у государства, не спился, не разрушил семьи.

Не надо их обижать, иначе Вас Бог обидит! А он за нас, Бог-то, раз сохранил нас в таком пекле, каким была Отечественная война. Как и во всем обществе, среди ветеранов есть и сволочи — они и на фронте были сволочами, шакалами, но достойных людей больше. <...>

18 июня 1991 г., Овсянка (А.Ф. Гремицкой)

<...> завтра, как и всегда 19-го числа, поедем на могилу дочери. Марья Семеновна плачет, маленькая, старенькая, прижавшись к холодному черному камню плечишком, а Поля, бурная, но жалостливая душа, уговаривает ее: «Баба, не плачь, пожалуйста! Ну, не плачь!» — и сама в слезах. Марья Семеновна говорит: «Поплачу и мне вроде бы полегче». Душу они мою в клочья разрывают.

Сегодня ночью тяжкая гроза была, ливень, хряснуло чего-то на столбе, и свет погас. Надо о холодильнике думать, харч спасать, а я о ней, о дите: «Как она там, в лесу, одна, в такую страшную ночь?» Маленькие, бывало, как гроза, а грозы в Чусовом страшные, залезут под одеяло, прижмешь их к себе, и уже ладно, уже им неопасно, и они, глядишь, спят себе посапывают, к родителю прильнув. Быть может, эти-то минуты и есть самые главные, самые светлые в нашей жизни, когда дано тебе почувствовать себя защитником своих детей.

А теперь? Где мы? Где дети? Что с ними? Что с нами? Господи, какой конец-то у двадцатого, так хорошо начинавшегося века! Ведь погибает и сами того понять не можем, и оттого гибели не страшимся.

Витя поехал в Вологду. Так рвался! Я знаю по себе: он надеется, что все там, как прежде, и мама жива, и дом на месте, и друзья-приятели все те же. Какие горькие разочарования его ждут! И сколько их было у меня. Все сердце в ссадинах. И не защитишь, и ничем не поможешь. Только время, только годы приносят забвение и утешение. Впрочем, больше надежды на них. В прошлом году маме исполнился 91 год со дня рождения и шестьдесят лет со дня гибели, а нету забвения, все та же тоска по ней, по уже вечной матери, все то же недоумение, заменившее острую боль. Почему так? Отчего и в жизни ей не было счастья, и смерть такая мучительная в молодые годы? В назидание другим? Во избавление их от мук? Но тогда Божий перст указал не туда и не на того, материни муки не убавили мук среди людей, и смерть ее никого не образумила, добра не прибавила, ничему хорошему не научила.

Смерть ранняя, понужденная вообще, видать, никому не нужна и ничем не оправдана. И война — самое отвратительное, самое безнравственное, подлое убийство и ничего больше. Повторись война, я нынче ни за что не пошел бы на фронт, чтобы спасать фашизм, только назад красной пуговкой, и, спасая котрый, мы наконец-то добились невиданного и неслыханного счастья. И за ради этого умирать? <...>

11 февраля 1993 г., Красноярск (В.Я. Курбатову)

<...> Всю-то зиму-зимскую я проработал, оттого и не писал тебе. Делал черновик второй очень трудной книги, более объемистой и страшной по сравнению с первой. Хотел избежать лишней смертей и крови, но от памяти и правды не уйдешь — сплошная кровь, сплошные смерти и отчаянье аж захлестывают бумагу и переливаются за край ее. Когда-то красавец Симонов, умевший угождать советскому читателю, устами своих героев сказал — немец: «Мы все-таки научили вас воевать», а русский: «А мы вас отучим!» — так вот моя доля отучивать не немцев, а наших соотечественников от этой страшной привычки по любому поводу проливать кровь, желать отомстить, лезть со своим уставом на Кавказ, ходить в освободительные походы.

Литература про «голубых лейтенантов» и не менее голубеньких солдат, романтизированной войну, была безнравственна, если не сказать круче. Надо и от ее пагубных последствий отучивать русских людей, прежде всего этих восторженных учителей наших, плебейскую полуинтеллигентную, размазывающую розовые слезы и сладкие сопли по щекам от умиления, так бы вот и ринулись она или он в тот блиндажик, где такая преданность, такая самоотверженная любовь и дружба царят...

Носом, как котят слепых, надо тыкать в нагаженное место, в кровь, в гной, в слезы — иначе ничего от нашего брата не добьешься. Память у россиянина так коротка, сознание так куце, что они снова готовы бороться с врагами, прежде всего внутренними. <...>

Часы Судного дня: до полуночи осталось всего две минуты

Леонид
МЛЕЧИН,
«Новая»

Политики напрямую угрожают применением ядерного оружия, потому что уверены: такую войну можно выиграть и самому уцелеть

Могила Неизвестного солдата у Кремлевской стены, где горит Вечный огонь, главный символ Великой Победы, кажется, существовала всегда. А она появилась лишь через два десятилетия после Победы. Усилиями одного человека — тогдашнего руководителя столицы Николая Григорьевича Егорычева.

Осенью 41-го года Высшее техническое училище имени Баумана эвакуировалось в Ижевск. Студентам МВТУ дали бронь — освободили от воинской повинности — и сказали: «Идите пешком до Владимира. Там вас посадят на поезд и отправят в Ижевск».

— Нет, ребята, — возразил студент четвертого курса бронетанкового факультета Егорычев. — Я никуда не пойду. Я москвич, и я должен защищать свой дом.

Его зачислили в 3-ю Московскую коммунистическую дивизию. Определили во взвод истребителей танков.

— Обмундирования не дали, — вспоминал Егорычев. — Как был я в зимнем пальто, костюме и спортивных ботинках, так и отправился на фронт. Вооружили нас трофейными винтовками времен Первой мировой, гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Заняли огневые позиции у моста через канал Москва — Волга в районе Химок. Мост был заминирован. В его опоры заложили три тонны взрывчатки, и мы были готовы в любой момент поднять его на воздух.

«Имя твое неизвестно»

В январе 1942 года в составе 371-го стрелкового полка Егорычева отправили на Северо-Западный фронт. В феврале полк перешел в наступление.

«Мы поднялись во весь рост, — вспоминал Николай Григорьевич, — и пошли в атаку, дружно и как-то иступленно поддерживая себя криками «Ура!» и отборным русским матом. Немцы не выдержали, отошли... Мне не раз приходилось ходить в атаку. И всегда было так. Это журналисты писали, что бойцы, когда шли в атаку, кричали: «За Сталина!». Этого я не слышал даже в нашей Московской коммунистической дивизии».

Он дважды был ранен. С орденом на груди вернулся в Бауманское училище, завершил учебу, и его сразу взяли на партийную работу. В 1962 году он возглавил Москву, один из самых молодых руководителей партии.

Егорычев мечтал воздвигнуть памятник погибшим за родной город. Долго выбирал место. Объездил весь центр, осмотрел стрелку Москвы-реки, Ленинские горы... Ничего не подошло. Архитекторы предложили Манежную площадь. Он выбрал Александровский сад. Архитекторы удивились.

— Само это место в Александровском саду, — вспоминал Егорычев, — выглядело иначе, чем сегодня. Оно было неухоженное, уютное, газон чахлый, да

В эйфории, которая последовала за окончанием холодной войны, мир утратил страх и понимание последствий обмена ядерными ударами

и Кремлевская стена требовала реставрации.

По его просьбе эскиз московские архитекторы нарисовали за ночь. Работы предстояло немало. За монолитной плитой отправились в Карелию, на то же месторождение, откуда когда-то везли гранит для мавзолея.

Кто придумал известную всем надпись на мемориале?

Егорычев пригласил известных писателей — Константина Симонова, Сергея Михалкова, Сергея Смирнова, Сергея Наровчатова. Предложений прозвучало много. Но Егорычев искал максимально короткую и выразительную фразу. Когда все уже порядком устали, Михалков предложил: «Имя его неизвестно, подвиг его бессмертен».

Писатели ушли. Егорычев остался один. Вновь и вновь перечитывал слова. Что-то не нравилось. Он представлял себе, как к могиле придут люди, те, у кого родные погибли на фронте, но неизвестно, где они похоронены... Они скажут: «Спасибо тебе, солдат!»

И Егорычев поправил текст: «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен!»

Возник другой вопрос: чьи останки будут захоронены?

В Зеленограде обнаружили забытую братскую могилу — неподалеку от станции Крюково, где осенью 41-го сражалась дивизия генерала Панфилова. Великая Отечественная война для Панфилова продолжалась всего один месяц. 18 ноября он погиб на поле боя. Но именно этот осенний месяц, когда его дивизия, вцепившись в подмосковную землю, не дала немецким танкам прорваться к столице, решил судьбу нашего города. Из этой могилы и взяли останки солдата, похороненного, как это часто происходило в 41-м, без документов. Никто не знает, кто он.

Командирам и политработникам полагалось удостоверение личности. А рядовых бойцов перед войной лишили документов. Взамен каждому красноармейцу должны были выдать медальон с пергаментным вкладышем, на котором — фамилия, имя и отчество, воинское звание, год и место рождения, адрес семьи. Но обеспечить всех медальонами не успели. Если бойцы гибли, а рядом не оказывалось сослуживцев, способных их опознать, то хоронили убитых безымянно. Получалось, что красноармеец пропал без вести. Без вести пропавшими числились сотни тысяч. А в те времена это приравнивалось к плену и было гибельно для семьи. Егорычев хотел исправить эту несправедливость.

3 декабря 1966 года, к 25-й годовщине разгрома фашистов под Москвой, прах Неизвестного солдата захоронили у Кремлевской стены. А Вечный огонь зажгли через полгода, потому что не успели сделать все необходимое. Под Манежной площадью вдоль главной аллеи Александровского сада протекала река Неглинка. Теоретически существовала опасность проседания почвы под памятником. Речка была заключена в трубу, которая требовала замены. Пришлось в зимних условиях вскрыть и проложить новый коллектор.

«7 мая 1967 года, — вспоминал Николай Григорьевич, — в Ленинграде на Марсовом поле от Вечного огня зажгли факел и торжественно передали его посланцам столицы. Его повезли на бронетранспортере в сопровождении почетного эскорта. 8 мая на Манежной площади эстафету принял Герой Советского Союза летчик Алексей

Маресьев. Открывать мемориал и произнести короткую речь доверили мне. Право зажечь Вечный огонь славы предоставили Брежневу».

Беседа с бомбовиками

Леонид Ильич Брежнев ушел на фронт в первые же июньские дни и воевал до победы. Он видел, что такое война, и, возможно, был единственным советским руководителем, который понимал свою ответственность за сохранение мира. Не на словах, а на деле пытался создать условия, которые сделали бы немислимой войну между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Брежнев сделал разрядку реальностью.

К нему обратились за помощью главные создатели советского ядерного оружия — академики Юлий Харитон и Андрей Сахаров. Брежнев приветствовал их словами: «А, бомбовики пришли!»

Рассказал, что его отец считал тех, кто создает новые средства уничтожения людей, главными злодеями, и повторял: надо бы этих злодеев повесить на высокой горе, чтобы все видели.

— Теперь, — заметил Брежнев, — я, как и вы, занимаюсь этим черным делом, но с благой целью.

Леонид Ильич не раз заставлял военных соглашаться на ограничение ядерных вооружений. Однажды он собрал у себя на Старой площади руководителей Вооруженных сил и оборонной промышленности. Обсуждался уже го-

РИА Новости

товый проект договора об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1) с американцами.

Военные наотрез отказывались идти на уступки американцам, хотя те тоже делали шаги навстречу. Дискуссия продолжалась пять часов. Дипломаты — за, военные — против. Брежнев не выдержал:

— Ну хорошо, мы не пойдем ни на какие уступки, и соглашения не будет. Гонка ядерных вооружений продолжится. Вы можете мне как главнокомандующему Вооруженными силами страны дать здесь твердую гарантию, что мы непременно обгоним Соединенные Штаты и соотношение сил между нами станет более выгодным для нас, чем оно есть сейчас?

Такой гарантии никто из присутствовавших генералов дать не решился.

— Так в чем дело? — с напором сказал Брежнев. — Почему мы должны продолжать истощать нашу экономику, непрерывно наращивая военные расходы?

Когда готовился отчетный доклад к XXV съезду, Брежнев заговорил о том, что он искренне хочет мира:

— Однако не всем эта линия нравится. Не все согласны.

Помощник генерального секретаря по международным делам Андрей Александров-Агентов возразил:

— Ну что вы, Леонид Ильич. Население страны 250 миллионов, среди них могут быть и несогласные. Стоит ли волноваться по этому поводу?

Брежнев отмахнулся:

— Ты не крути, Андрюша. Ты ведь знаешь, о чем я говорю. Несогласные не где-то среди двухсот пятидесяти миллионов, а в Кремле. Они не какие-нибудь

пропагандисты из обкома, а такие же, как я. Только думают иначе!

В определенном смысле он изменил мир. Но политика разрядки держалась только на его личной воле. Незадолго до своей кончины на заседании политбюро ЦК КПСС Брежнев неожиданно произнес:

— Говорим все время о дружбе между народами, а что мы показываем по телевидению, передаем по радио о капиталистических странах? Агрессию, кризис, всякие беды да безобразия... А между тем там живут народы, которые чего-то добились, что-то есть у них хорошее и достойное уважения. Мы ведь патенты у них покупаем.

Утрачено доверие

Люди старшего поколения застали прежнюю холодную войну — в позднесоветское время, когда ресурсы были исчерпаны и страна истощена. Еще за год с лишним до избрания генсеком Горбачева глава партии и государства Константин Устинович Черненко, человек незлобный и без комплексов, задумался над тем, как улучшить отношения с Западом и избавить людей от страха войны. Он вполне доброжелательно сказал вице-президенту США Джорджу Бушу-старшему: «Мы с американцами не врожденные враги».

Вместе с министром иностранных дел Громыко он принимал премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер. Как положено, зачитал заготовленный дипломатами и его помощниками текст, а потом вдруг предложил Тэтчер:

— Давайте дружить по всем линиям. У нас много резервов, контактов, возможностей для настоящих отношений дружбы между нашими народами, между правительствами... Что нам мешает?

Громыко даже испугался: не полагалось так разговаривать с западными политиками. Дружить следовало с соцстранами. Черненко же был искренен в своем желании прекратить конфронтацию. Накопилась усталость от холодной войны, продолжавшейся несколько десятилетий.

А сейчас энтузиазм и подъем. Неподдельная радость от повышения градуса конфронтации. Серьезное сокращение арсеналов оружия массового уничтожения после той холодной войны привело к тому, что страх перед ядерной войной вытеснен страхом перед террором. Ядерное оружие перестало внушать ужас. А на руководящих должностях — новое поколение, которое видело войну только в кино или на экране компьютера.

Главная опасность — противостояние России и Соединенных Штатов.

Между нашими странами утрачено доверие, которое существовало несколько десятилетий. Если возникали сомнения, то задавали вопросы и получали ответы — в рамках системы постоянных консультаций. Но это в прошлом.

Скоро истекут сроки договоров об ограничении стратегических вооружений. А в чем их ценность? В инспекциях! Каждый год 18 российских инспекционных групп приезжают в США, и столько же американских бывают в России. Они осматривают пусковые установки баллистических ракет наземного базирования. Точно так же осматривают мобильные пусковые установки, подводные ракетносцы, тяжелые бомбардировщики — носители ядерного оружия.

Это полная ясность и полная прозрачность. А если между великими державами отсутствует доверие, если нет точной информации о вооружениях другой стороны, это заставляет преувеличивать ее силы и возможности и наращивать собственный арсенал. А это путь к неконтролируемой гонке вооружений и утрате стратегической стабильности. И каждый шаг одной стороны не остается без ответа другой.

После окончания прежней холодной войны в Соединенных Штатах радикально урезали заказы на закупку вооружений. Покупали вдвое меньше оружия, чем во времена президентства Рональда Рейгана. Крупнейший концерн «Рокуэлл», выпускающий бомбардировщики и ракеты, уменьшил свои штаты вдвое. Авиастроительный концерн «Локхид» сократил треть работающих.

Но ситуацию изменили события 2014 года: Крым и боевые действия на территории Украины, когда некоторые европейские союзники попросили Соединенные Штаты срочно принять дополнительные военные меры, дабы надежно гарантировать их безопасность.

Процесс принятия таких решений растягивается надолго. Несведущие в американской политической системе, должно быть, решили, что политическими и экономическими санкциями реакция Вашингтона и ограничится. В реальности только сейчас разворачивается процесс ремилитаризации.

Начиная с Рейгана, американские президенты последовательно сокращали ядерные арсеналы. Похоже, Трамп намерен изменить и этот постулат американской политики. Он нашел полное понимание среди своих военных.

Барак Обама 8 президентских лет блокировал разработку противоракетного оружия. Хиллари Клинтон намеревалась в случае избрания продолжить его линию, несмотря на протесты генералов. Теперь работа над созданием противоракетной обороны возобновлена.

Американская военно-космическая программа — главная опасность,

с точки зрения российских военных. Столько лет создавали арсеналы баллистических ракет с ядерными боеголовками, способными уничтожить Соединенные Штаты! Неужели американцы смогут запросто сбивать их в космосе, и многолетние усилия пойдут прахом? Тревогу вселяет возможность упреждающего удара по российскому ядерному оружию неядерными сверхточными системами.

Отчего же к Барак Обама и Хиллари Клинтон, которые сдерживали наращивание американских вооруженных сил, относились с презрением, а Трампа встретили аплодисментами?

Американское военное строительство — удобный предлог для собственных военных усилий. Чиновников и генералов это нисколько не пугает. А вот отказ от переговоров, исключение из клуба восьми наиболее развитых стран — обида! Слова Обамы насчет того, что Россия всего лишь региональная держава, — невыносимое пренебрежение!

Бомба и сеанс массового гипноза

В 80-е годы сотни тысяч людей выходили на демонстрации с лозунгами «Убей бомбу! Спаси людей!». Та холодная война завершилась, ядерные арсеналы сокра-

Говорим о дружбе между народами, а что мы показываем по телевидению, о капиталистических странах? Агрессию, кризис, всякие беды да безобразия...

тились, и все успокоились. В эйфории, которая последовала за окончанием холодной войны, мир утратил страх и понимание последствий обмена ядерными ударами.

Возникло некое легкомысленное отношение к ядерной бомбе. Это с одной стороны. А с другой, изменилась лексика политических лидеров.

Политики даже не говорят о контроле над вооружениями. Напротив, радуют избирателей успехами военнопromышленного комплекса. Звучат прямые угрозы применить ядерное оружие. Это означает, что политики уверены: такую войну можно выиграть и самому уцелеть. Поэтому никто не требует отказаться от ядерного оружия: бомба нужна для «сдерживания» врага. Верх взял прежний тип мышления: ненависть к окружающему миру, стремление огородиться частокором ядерных ракет, поиск врагов — внутренних и внешних.

Часы Судного дня показывают, насколько мы близки к Апокалипсису, к всемирной катастрофе. Это проект авторитетнейшего журнала «Бюллетень ученых-атомщиков». Решение перевести стрелки принимают эксперты, среди которых 18 лауреатов Нобелевской премии. Теперь до полуночи осталось всего две минуты!

Это означает, что риск термоядерной войны очень высок. Последний раз стрелка придвигалась так близко к полуночи в эпоху, которая, казалось, осталась в далеком прошлом, — в 1953 году.

**Сергей
КАЗАРНОВСКИЙ**
специально
для «Новой»

Я пошел в школу в 61-м году, абсолютно не ведая ни о каком Карибском кризисе. Да и вообще мне казалось, что война была когда-то очень давно. Мы тогда даже не понимали, что все наши учителя так или иначе сталкивались с войной. Что хромающий на протезе физик потерял ногу на войне, и что географ, прекрасно рассказывающий про разные страны, знал о них не понаслышке. А директриса командовала разведротой...

Только поле убийства Кеннеди я реально столкнулся с другой жизнью, которая до тех пор меня не касалась. Тогда мне стало известно про то, что буквально пару лет назад мир стоял в двух шагах от новой войны, что тогда казалось невероятным. Потому что мы уже всю пели «Хотят ли русские войны?» (1961), появился «Бухенвальдский набат» (1963), который без слез петь было невозможно. По телевизору показывали хронику про Хиросиму и Нагасаки. Чуть позже (1965) выходит «Обыкновенный фашизм». И, наконец, (1965) День Победы становится нерабочим днем, то есть праздником. И еще эти слова, а чаще я их слышал как тост: «Лишь бы не было войны...» По правде говоря, у меня, да и у моих сверстников он вызывал улыбку как старческое брюзжание. О чем вы, ну какая война? Всем же ясно, что это повториться не может!

А тут с холодной войны постепенно стал происходить разворот, договоры разные о разоружении. В школе на НВП (начальная военная подготовка) бесконечно показывали плакаты с ядерным взрывом, поясняя смертельную опасность такого оружия для человечества. И эта шутка, когда отставному военному, обычно ведущему такие уроки, какой-нибудь остролов задавал вопрос: «А правда ли, что ядерная бомба всегда попадает в эпицентр своего взрыва?», и получал ответ: «Как правило, да», — еще больше подчеркивала невозможность никакой войны, а уж тем более ядерной.

И когда в 2014 году я вдруг стал слышать заливчатские тексты телеведущих, депутатов, позже премьер-министров, глав государств, причем иностранных также, о выяснении отношений с помощью ядерного оружия, я просто обалдел! Я написал это слово и понял, что это именно то слово. Они что, сошли с ума?

В середине 80-х, когда я уже работал в школе, мне дали прочитать статью замечательного русского литературоведа, публициста Юрия Карякина «Не опоздать!». Мы даже пробовали придать этому пронзительному тексту, а по сути, проповеди, некоторую театральную форму. И сейчас, накануне Дня Победы я хочу напомнить о том, что написал **Юрий Федорович КАРЯКИН**. Конечно, это лишь выдержки из его текста, но и они более чем красноречивы.

«Сейчас перед нами одна-единственная сухая и жестокая посылка, одноединственное «дано»: человеческий род, вся жизнь стали практически — технически! — смертными. Эта посылка влечет за собой следствия неисчислимы. Вот лишь несколько из них.

1. Раньше все расчеты, все надежды людские на лучшее будущее опирались на незыблемое убеждение в том, что будущее вообще будет непременно, а потому рано или поздно будет и лучшее будущее; в крайнем случае допускали только его отсрочку. Веками, тысячелетиями люди учились и выучились — не слушать, не выслушивать, не дослушивать, не понимать

друг друга. Веками, тысячелетиями люди учились и выучились главным, решающим аргументом споров своих считать огонь, нож, пулю, казнь, войну, короче — убийство. Убийство — как критерий правоты, критерий истины... Но тем самым люди и оказались перед выбором: либо выучиться слушать и понимать друг друга, пожелать этого как спасения и счастья, относиться к каждой личности, к каждой народности, к каждой расе как к неопределимому достоянию человечества, либо погибнуть в самоубийстве. И сейчас мы должны вспомнить, откопать, оживить, «преувеличить», если угодно, все до единого светлые моменты в истории людей, народов, человечества, моменты действительного миролюбия, взаимопонимания, спасительных, мудрых компромиссов.

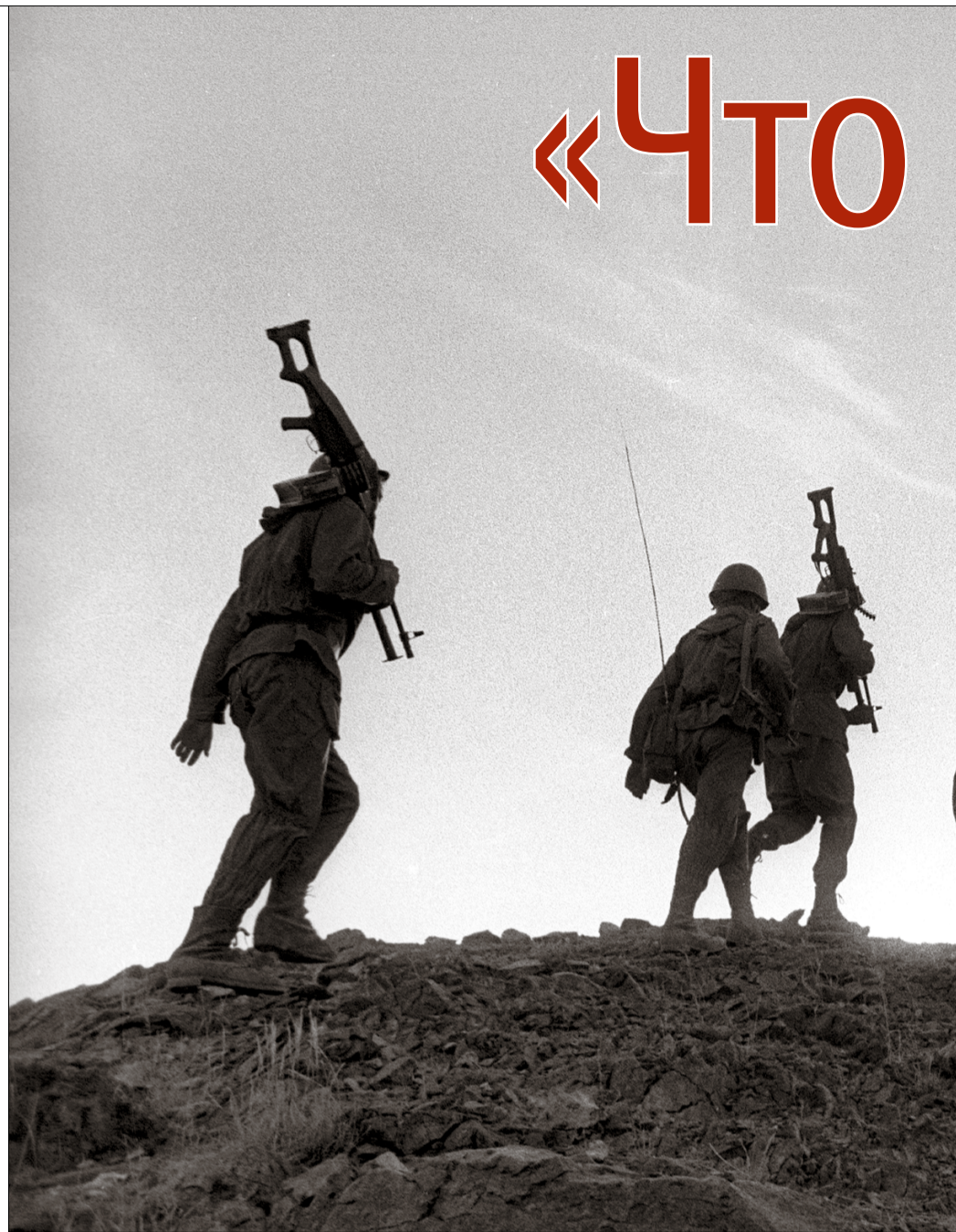
2. Да, раньше веками, тысячелетиями все мироощущение, все мировоззрение наше основывалось на том, что хотя отдельный человек смертен, зато человечество практически бессмертно. Работал и все совершенствовался именно этот механизм сознания, механизм, запрограммированный природою именно на практическое бессмертие человечества, на практически бесконечное его развитие, — механизм примирения со смертью отдельного человека. Но чем может восполниться смерть всего человеческого рода? Над кем это будет «победа» и чья?!!! Как «завести» и пустить на полную мощь механизм примирения со смертью рода? Неужели нет его вовсе? Или — разладился за долгой ненадобностью?

3. Лучше быть разными в жизни, чем одинаковыми в смерти, — человечество поистине выстрадало эту простейшую и мудрую, спасительную, возвышающую людей истину, выстрадало ее невыносимо, непостижимо дорогой ценой, выстрадало, что сама эта разность, сами эти различия между людьми, народами, нациями, расами, странами и есть условие всеобщей жизни человечества, условие ее развития, иначе говоря: эти различия и есть живая жизнь реального человечества. Быть разными в жизни и значит жить.

Когда я вдруг стал слышать заливчатские тексты телеведущих, депутатов, глав государств о выяснении отношений с помощью ядерного оружия, я просто обалдел! Они что, сошли с ума?

Вы убеждены, что ваш образ жизни хорош и даже лучше других (для вас лучше)? Превосходно. Вы хотите силой, угрозой, войной навязать его всем? Это и есть сегодня убийство и самоубийство человечества. Нельзя превращать исторический спор о том, чей образ жизни лучше, в войну, то есть в смерть всякого образа жизни вообще. Нет и быть не может ничего на свете, ради чего можно было бы принести такую жертву.

4. Когда новые факты технической возможности уничтожения человечества пробивались, ворвались к нам, настигли нас и заставили себя признать, они потрясли нас так, как ничто и никогда еще не потрясало!!! Как? Самоубийство всего человечества? Гибель всей жизни земной? Всей прошлой, настоящей, будущей культуры? Нерождение бесконечных будущих

поколений? Человек, высшее проявление жизни, венец творения, может уничтожить как таковую всякую жизнь?! Нет, это слишком, слишком противоестественно.

Невыносимо трудно, порой почти невозможно осознать все это. Но еще невыносимее осознать, что новое «дано» — это «дано» навсегда. К прежней, гарантированной бесконечной жизнью эпохе не вернешься. Земля превратилась как бы в «лабораторию», и какой-нибудь опрометчивый эксперимент, какой-нибудь непредвиденный взрыв может оказаться роковым. История навсегда

стала борьбой за историю, жизнь человеческого рода — борьбой за жизнь, за жизнь природы. Будущее отныне нам не дано-даровано — его надо защищать, завоевывать...

5. Взять весь комплекс человеческих качеств, чувств, страстей, положительных и отрицательных — все эти качества играют сегодня новую роль, все они несравненно «тяжелее» весят на чашах новых весов, на чашах жизни или смерти, все они неисследимым образом «суммируются», и результат этого «суммирования» и станет судьбой человечества и Земли.

Есть ли объективные законы в самой субъективной области человеческих отношений — в области нравственной? Есть — утверждали многие мыслители. Есть объективные законы нравственности. Есть, и они реализуются с такой же необходимо-

стью, как и законы физики. И нарушение их карается с такой же неизбежностью, с какой карается человек, решивший в опровержение закона земного притяжения прыгнуть с Останкинской башни.

Однако надо признать, что веками, тысячелетиями существовал довольно сильный аргумент против этого, а именно: неисчислимы примеры успеха любой ценой, неисчислимы реальные победы принципов «все дозволено», «цель оправдывает средства», неисчислимы случаи безнаказанности всевозможных преступлений. Этот наглый, «победоносный» аргумент наконец бит, но бит ценой самой дорогой из всех возможных: нарушение объективных законов нравственности стало смертельно опасным для всего человеческого рода. Бессовестность погубит, совесть спасет — и уже не только отдельного человека, нацию, а все человечество. Веками и тысячелетиями невидимые обыкновенным глазом нравственные законы обрели вдруг физическую осязаемость и силу.

6. Алиби — отсутствие человека там и тогда, где и когда совершается преступление. Все мы живем на этой Земле в это время. Никто не может сказать: «Меня здесь сейчас нет, я ничего об этом не знаю». Какое тут для кого может быть алиби? Уже и уголка нет такого в пространстве, уже и щели нет такой во времени, где можно было бы его, это алиби, найти и спрятаться с ним. И преступники главные все известны: все те, для кого «есть вещи поважнее мира», все те, кто исповедует «лучше быть мертвым», все те, кто проповедует «победу» в ядерной войне. Равнодушие и трусость по отношению к ним, главным преступникам — тоже преступление!!!

Нынешнее реальное время-пространство — это время-пространство либо самого большого преступления, либо самого большого подвига, но во всяком случае это время-пространство — без алиби.

ПОВТОРИТЬ? Все те ужасы?»

Выдержки из книги Юрия КАРЯКИНА
и сочинений московских школьников

Разведка уходит на задание.
Позиции под Джелалабадом,
Афганистан

Виктор ХАБАРОВ

Не опоздать бы сейчас перечитать эту книгу Юрия Федоровича Карякина. И еще. Я попросил учеников 6–11-х классов моей школы написать небольшое эссе «Хотят ли русские войны?». Почти никто из них до этого не знал про песню Эдуарда Колмановского и про стихи Евгения Евтушенко. Понятно, что это также выдержки, но никаких исправлений.

Ксения, 6 «А». Сейчас, когда мы ходим по дороге, земле, мы бросаем мусор и не дорожим нашей страной, за которую сражались миллионы людей. Сегодня для нас крошка хлеба — пустяк, но когда была война, крошка хлеба — пир горой, глоток воды — целое озеро. Завтра мы можем поссориться с друзьями или подружиться, а в то время мой друг мог остаться в живых или умереть на твоих глазах. Так вот, хотят ли русские войны? Нет. И больше никогда не хотим.

Капская Варя, 7 «А». За дни Первой мировой войны только в Российской империи погибло 1 670 000 солдат, осталось ранено 3 749 000 солдат, 1 070 000 мирных жителей погибли, попали в плен 3 342 000 солдат. Но запомните, исход войны может быть не только положительным (победа), но и отрицательным (поражение). Например: Русско-шведская война (1610–1617 г.) — русские потерпели поражение, Русско-японская война (1904–1905 г.) — поражение. Вывод: русские не хотят войны, т.к. она приносит ущерб стране и людям. Поэтому, если бы меня спросили, хотят ли русские войны, я бы

ответила с уверенностью, что не хотят и никогда не хотели.

Илья, 10-й класс. Афган... Первая чеченская... Вторая чеченская... и теперь уже Сирия не вызывают у меня ничего, кроме чувства скорби и стыда. Россия за свою многолетнюю историю совершила множество ошибок. Ввязываясь в локальные конфликты, наше государство копало под себя. Хотят ли русские войны? Нет. Война — это обыденность, а точнее, инстинкт человека. Человек без войны — не человек. В природе это называется естественный отбор, именно во время войны образуются или исчезают государства. Как писал Никколо Макиавелли: «Войны нельзя избежать — ее лишь можно отсрочить». И, как показывает горький опыт мировой истории, чем дольше промежуток, тем дольше и ожесточеннее война.

Мой сосед прошел Афган, получил травму, после чего, вернувшись в Россию, не получил от государства ничего, кроме наградного штык-ножа с гербом. Убивать незнакомых людей, чей характер, историю ты не знаешь, легче, чем убить знакомого тебе в какой-то мере человека. Легко поднять руку, в патриотическом пылу проголосовать за битву. Тяжело смотреть, как рядом с тобой умирают твои друзья, смотреть, как твои друзья убивают врагов.

Даня, 11-й класс. Вспомним рассказ Шолохова «Судьба человека». Андрей Соколов лишился всей семьи, он потерял смысл жизни. Ванюша, которого Соколов усыновил, тоже потерял всех родных: отца убили на фронте, мать была убита бомбой. Мой дедушка, которому во время войны было 8 лет, потерял и мать, и отца, оставшись со своими братьями и сестрами. Думаю, все это еще долго будет жить в памяти народа, ограждая нас от возможных ошибок, ведь война XXI века погубит все человечество.

Евграфова, 7 «А». Кто же хочет войны? Уж точно не разумные люди. Хотя глобальный конфликт чаще всего образуется между ними. Но как же тогда получается война? Сама собой. Почти случайно. А иногда по прихоти самоуверенного человека, который по воле случайности оказался у власти. А русские? Хотят ли русские войны? К сожалению, сейчас провоцируют русских воевать. Но мы не должны поддаваться на провокации. Нам стоит быть разумными и бдительными людьми, не допускать случайностей и ошибок, помогать друг другу.

Антон, 10-й класс. Однако почему тогда люди умирают в Сирии? Почему дети поют военные песни, прославляя президента? Почему со всех сторон нам говорят, что Россия — сильная страна, которая одолеет всех своих соперников, несмотря на то, что люди не хотят ни сражений, ни побед? И кому надо задать эти вопросы, чтобы получить ответ? Неужели люди не пострадали после всего, что они уже успели пережить? Не хватило причин, мировых войн, революций, анархии, попыток строить коммунизм? Не хватило настолько, что все еще люди лишь ищут причины, чтобы схватиться за первое попавшееся оружие по первому попавшемуся приказу?

Люда, 11-й класс. Вот бегут два мальчика наперегонки: один понимает, что он, скорее всего, проиграл, и тогда ставит второму подножку и выигрывает. Ему было важнее победить, а не сохранить дружбу со вторым мальчиком. Он не задумался над тем, что неважно, насколько тот быстро бежит, ведь есть вещи, в которых он отстает. Проще столкнуться оппонента, чем смириться и совершенствовать себя.

Вопросов больше, чем пояснений. Почему нет доверия между странами? Почему терроризм все еще существует?

Почему людям так важно иметь власть над другими и держать других в страхе? Правда ли, что лучшая защита — нападение? Мир слишком велик для того, чтобы найти одну причину того, почему люди нарушают мир, которого так сильно хотят.

Катя, 10-й класс. Как можно вообще Великую Отечественную войну называть «Великой»? Как война вообще может быть великой? Это люди Великие, а война — это лишь разлука, боль и смерть. Гордиться и вспоминать людей, воевавших за наши жизни, нужно, но хотеть войну и стремиться к ней как минимум неправильно. Стремиться нужно к человеческой гармонии и к миру во всем мире, и, возможно, когда-нибудь мы приблизимся к тому коммунизму, о котором мечтал русский человек. А начинать, я думаю, нужно с самого себя.

Левонтина, 11-й класс. Почему-то люди вечно ищут врагов, все современные СМИ насквозь пропитаны ненавистью, и все более популярной становится идея о том, что «крутая» страна — это страна, имеющая максимальную военную мощь.

Амели, 10-й класс. Мой прадедушка Иван (1920 г. р.), когда его спрашивают о войне, говорит, что это не просто боль, страдания и потери, но и огромная человеческая глупость. Он сожалеет и скорбит о потерях, которые принесла война, утверждает, что если бы он мог решать судьбу нынешнего поколения (развязывать войну или нет), то он отдал бы все, чтобы ее не было. Но проблема наших современных соотечественников в том (на мой взгляд), что они не хотят прислушиваться к тем, кто испытал этот ужас на себе. Русские не хотят войны (в большинстве своем), но будут ли их спрашивать? Будет ли правительство задавать вопрос народу: «Хотите ли вы войны?»

Эвелина, 10-й класс. Большинство граждан нашей страны довольно необразованно. Легко построить карьеру в армии, в годы, когда война не идет. Поэтому сейчас те молодые люди, которые не могут определиться с путем в будущее, идут в армию. Тем самым они ее спонсируют, вкладывая свое время и силы. Война в наше время слишком бессмысленна. Оружие, которое может убить тысячи мирных жителей, есть у каждой второй страны, а дальше что? Люди перебивают друг друга, будет решена проблема перенаселения, но полностью расшатана вся система, в которой мы живем.

Зачем русским людям война? Это уже интереснее. Я думаю, что гражданам некуда деть свою агрессию, они не знают, как еще всему миру показать свой гнев и заставить бояться.

Дана, 10-й класс. Последнее время мне особенно мерзко смотреть на автомобили, у которых на стеклах приклеены надписи типа «Спасибо деду за победу» и «1941–1945: можем повторить». Что повторить? Подвиг, который совершил не ты? Все те ужасы, когда люди погибли миллионами? Ты хочешь повторить всю ту боль и страдания? Что за тупость вообще ты несешь? Мне больше и сказать нечего. Дешевые понты надутых индюков, которые даже не представляют, что тогда было. Туда же можно приписать и георгиевские ленточки, которые все вяжут в волосы, на сумочки и машины. Это лишь порошит ленты.

День Победы — это не праздник. Это День памяти и скорби. А его, как я считаю, отчасти превращают в фарс.

Автор — директор московской школы
«Класс-Центр»

Экран боевых действий

Учат ли видеоигры убивать — или воспитывают пацифистов?

Владимир Ильин,
специально
для «Новой»

В 2014-м году вышла компьютерная игра Valiant Hearts: The Great War — квест, рассказывающий о судьбе нескольких солдат Первой мировой войны. Разработчики через видеоигру показывали судьбу человеческих существ, оказавшихся внутри военной мясорубки. Для игрока Valiant Hearts смерть боевых товарищей — это трагедия, враги выглядят такими же людьми, оказавшимися по чьей-то злой воле по другую линию фронта, а война в целом представляет собой жестокую издевку над нашей природой. Об игре заговорили за пределами игровой прессы: оказалось, что видеоигры наряду с романами или фильмами могут быть пацифистским высказыванием. Удивление публики можно понять, если вспомнить репутацию компьютерных игр, особенно среди людей, которые сами в них не играют. Десятилетиями геймеры считаются олицетворением социального зла, эскапизма и жестокости, а игры, особенно шутеры, — проводником насилия. Интерес к Valiant Hearts показал, что у вопроса о том, как игры показывают войну, есть другая сторона.

Действие многих видеоигр происходит в декорациях войн: от фантастических до вполне исторических — чемпионом тут, разумеется, является Вторая мировая. Как видеоигры представляют войну? Какое отношение к насилию и к противникам предлагают разработчики игрокам? Ответ может оказаться более сложным, чем кажется на первый взгляд.

Для начала отметим, что в большинстве современных сюжетных шутеров, построенных по образцу героических военных фильмов, заложено явное противоречие. Их разработчики настаивают, что главный герой, управление которым передано игроку, ненавидит войну, видит ее чудовищные стороны и вообще борется за мир. Но к этому гуманистическому переживанию игроку приходится идти через сотни трупов неигровых персонажей, как правило террористов, нацистов или религиозных сектантов (иногда инопланетян и т.п.), которые являются лишь препятствием для победы сил добра.

Игрока не мучает совесть за убитых, потому что с точки зрения игры они скорее антропоморфные функции, которые должны помешать герою сделать его приключение более интересным, так что стрельба в данном случае не более чем элемент игрового процесса (геймплея). В играх серий Battlefield, Call of Duty, Destiny или Far Cry игрок стереотипно решает идущие друг за другом боевые задачи. Перечисленные игры — очень разные, но сам процесс истребления врагов в них часто преобладает над сюжетным. Геймплей в таких играх сконструирован для комфортного существования игрока, переживающего power fantasy, то есть ощущение собственной силы и исключительности, а моральные дилеммы возникают в основном в видеороликах, поддерживающих сюжет.

С другой стороны, шутерные механики могут передавать опыт военного конфликта совсем иначе. Например, в Arma, Squad и российской Escape from Tarkov ставят игрока в ситуацию, в которой он вынужден больше общаться со своими

товарищами и беречь свою жизнь. Эти проекты предлагают другой геймплей: положение игрока затрудняют, чтобы создавать комплексные и глубокие боевые ситуации. Такие игры причисляют к жанру реалистичных шутеров или даже военных симуляторов.

Тут важнее уже не умение игрока метко стрелять, а его навыки, связанные с общением с членами команды. Более серьезное отношение к войне в игровом процессе отражается и на сюжете. Например, в Arma 3 одно из дополнений было посвящено последствиям войны и рассказывало о деятельности некоммерческих и негосударственных организаций, которые пытаются предотвратить гуманитарную катастрофу

Скриншот из игры
Valiant Hearts: The Great War

на территории вооруженного конфликта. Реалистичные шутеры чаще акцентируют внимание на последствия войны для солдат и мирных жителей.

Тем не менее реалистичные шутеры не пытаются снять проблему эмоциональной легкости убийства других игроков или неигровых персонажей. Нельзя сказать, что эти игры построены вокруг комментария о войне, это скорее ролевые игры, посвященные командному взаимодействию.

Параллельно в игровой индустрии наметилась рефлексия по поводу диссонанса между пацифистскими сюжетами и «убойным» геймплеем. В частности, проект Spec Ops: The Line получил известность «Апокалипсиса сегодня» от мира видеоигр. Он рассказывает о небольшом подразделении американских солдат, которых отправили на Ближний Восток с тем, чтобы выяснить судьбу батальона, который перестал выходить на связь. Сюжет игры раскрывает темы посттравматического синдрома, права на невыполнение приказа и моральную ответственность за жертвы среди мирного населения.

С точки зрения игрового процесса, Spec Ops: The Line представляет собой типичный шутер от третьего лица — если бы не сюжетные находки игры, про нее бы скорее всего забыли. Однако игра стала культовой и ее часто вспоминают, когда говорят о критическом комментарии к популярным шутерам. Многие игровые эпизоды этого проекта цитируют ситуации более массовых игр, но при этом заставляют игрока усомниться в правильности своих действий. Например, в одном из эпизодов игроку дают возможность уничтожить атакующего противника

минометным огнем с фосфорными зажигательными боеприпасами. Эпизод построен идентично подобным из условной Call of Duty — игрок управляет камерой в воздухе и наносит минометные удары по позициям противника. Следующая сцена показывает, что, кроме противников, игрок сжег заживо десятки мирных жителей. Шаг за шагом игрока заставляют задуматься о последствиях своих действий. То, что должно было стать «еще одним шутером на вечер», постепенно превращается в игровую версию «Сердца тьмы», а герой становится психопатом, страдающим галлюцинациями.

В играх этого типа реконтекстуализация сцен из обычных шутеров

по которой ходят террористы и мирные жители. Задача ясна — нужно направлять боеголовки в сторону террористов. Но при попытке убить террориста ракета часто задевает мирных жителей. После этого к ним подходят другие жители, плачут и сами переодеваются в террористов. В итоге у игрока не остается выбора, кроме как стереть деревушку с лица земли целиком или выйти из игры. С помощью игровых правил автор пытается показать игроку, что американская военная политика после терактов буквально приводит к ухудшению ситуации и геноциду. В данном случае проект существует только ради одного аргумента, играть в эту игру неинтересно.

Многие игры пытаются добиться схожего эффекта. Например, в DEFCON нужно играть за одно из государств во время ядерной войны. Показателем успеха, очками, считаются убитые жители страны-противника. Обезопасить себя в ходе ядерного апокалипсиса невозможно — часть вашего населения также уничтожается. В конце игры появляется таблица результатов, показывающая «успешность» действий участников матча. Оказывается, что половина населения победителя уничтожена, а сам он убил миллионы человек. Победа в ядерной войне всегда оборачивается смертью для всех.

Другая игра о ядерной войне и вовсе формулирует свою позицию в первой фразе, которую слышит игрок. Речь о серии Fallout, известным лозунгом которой является фраза «Война. Война никогда не меняется». Серия сосредоточена на изображении войны, как круговорота насилия, сопровождающего человечество всю историю. Однажды политическое противостояние уже уничтожило человечество в ядерной войне. После войны человечество занимается все тем же: ведет боевые действия на мусорных кучах, оставшихся от старых городов.

Еще один известный пример — This War of Mine. Это игра сознательно смотрит на вещи под принципиально другим углом, рассказывая историю выживания группы мирных жителей во время военного конфликта. Вылазки за пропитанием, холод, невозможность сохранить моральный облик перед лицом смерти, психологические расстройства — война War is Mine состоит из таких элементов, а вовсе не из

Вылазки за пропитанием, холод, невозможность сохранить моральный облик перед лицом смерти, психологические расстройства — война War is Mine состоит из таких элементов

игр, где сюжет служит мотивацией для игрового процесса.

Метод аргументации через игровой процесс в исследованиях видеоигр называют процедурной риторикой, способом убеждения через опыт, который дают видеоигры. В таких играх вам не просто рассказывают определенную историю. Напротив, вы сами приходите к определенному выводу через переживание событий от первого лица.

Один из самых важных примеров чистой реализации процедурной риторики представляет собой видеоигру о войне. Речь идет о September 12th, проекте, созданным философом Гонсало Фраски и посвященном реакции Америки на теракты 11 сентября. Цель игрока здесь состоит в уничтожении террористов с помощью военного дрона. Вы видите деревню,

славных подвигов. Игрока ставят на место тех людей, которые обычно находятся за декорациями шутера.

В развитых странах, где все меньше людей непосредственно участвуют в боевых конфликтах, но регулярно видят их в новостях, войны начинают восприниматься как нечто далекое и абстрактное. Это дистанцирует граждан благополучных стран от опыта, который вынуждены переживать солдаты, отправленные на смерть, или опыта мирных жителей, вынужденных существовать в реалиях войны. В таком мире по меньшей мере некоторые видеоигры приобретают новую ценность — возможность напомнить через игровой процесс и опыт игрока, что «война никогда не меняется».

В любом стандартном сетевом гипермаркете в эти дни выставлены крохотные солдатские пилотки со звездочками и гимнастерки детских размеров — уже привычный атрибут празднования Дня Победы. Почему-то многие родители считают своих детей ужасно милыми именно в таких «карнавальных костюмчиках» — солдатских. «Давайте на правах психолога, имеющего немалые представления о детской психике, расскажу, почему так не надо делать. Потому что это романтизация и украшательство самого страшного в нашей жизни — войны», — написала в фейсбуке детский психолог **Елена КУЗНЕЦОВА**. В интервью «Новой» она рассуждает об опасностях милитаризации нашей жизни.

— **Е**лена, как дети, на которых надевают крохотные пилотки и гимнастерки, все это воспринимают?

— Дети, конечно, воспринимают это как игру. Потому что иначе они это воспринимать и не могут, они вообще почти все вокруг воспринимают как игру. Человек социализируется через игру, развивается.

— И многие советские дети даже очень любили всякие «зарницы».

— Да, это часто служит аргументом: ну а что плохого, мы тоже играли в «зарницы». Но детский репертуар игр известен, он понятен. Играть в казаков-разбойников — нормально. Играть в доктора, в повара — нормально. Но на ребенка влияют наиболее яркие впечатления, полученные в детстве, они потом задают какой-то тон в жизни, какой-то импульс, который он потом пробует реализовать. Поэтому все, что у нас происходит перед Днем Победы, не совсем про игру: это некий посыл.

— Какой же тут посыл? Пилотка на голове, шарики, праздник.

— Если бы это было просто игрой — да. Но для чего ребенок играет? Ему нужно понять какую-то часть мира изнутри. А если это военизированный праздник, да еще подлозунгом «можем повторить»? Вы чувствуете, какая энергия вокруг разливается? Агрессия, нетерпимость по отношению к какой-то части мира. И ребенок познает, что это нормально, потому что так вели себя его мама с папой. Грозил кому-то, демонстрировали что-то. Он понимает: война — это здорово, это правильно, это праздник, потому что она заканчивается нашей победой, мы ею гордимся. Так ему транслировали родители. А человек должен понимать, что война — это смерть, она заканчивается не только победой, но еще непрожитыми жизнями, могилами.

— Вы считаете, вообще не стоит говорить маленьким детям о войне?

— Ну, давайте начнем рассказывать детям о войне с рождения. Есть вещи, не вмещающиеся в детское сознание. Мы создаем непосильную для детского развития ситуацию. Это то же самое, что ранняя сексуализация — все эти конкурсы красоты для малышей и прочее. То же самое, что форсирование интеллекта, когда ребенка начинают с трех месяцев математике учить. А дошкольное детство — это игра, все остальное — потом. Если мы вместо игры начнем загружать в жизнь ребенка что-то другое, то для игры в ней просто места не хватит. Транслируя свое агрессивное понимание патриотизма, взрослые делают эту тему в прямом смысле «заряженной». Ребенок находится в пространстве, где пульсирует агрессия.

— Почему нельзя рассматривать надевание гимнастерок на детей просто как игру?

— Можно. Если это игра.

— Если это происходит в идеологизированный праздник, если «деды воевали» и «можем повторить», то это уже не игра?

— В том-то и дело. Конечно, психолог не может дать рекомендацию, которая будет законом. Я же не говорю, что нельзя надевать на детей гимнастерки. Но надо эти вещи как-то... Разводить, что ли.

— Если дошколят погружать в военный патриотизм рано, то когда можно начинать?

— Задача мудрого взрослого — выдавать информацию порциями по мере созревания ребенка. Это касается и войны, и патриотизма, и секса — любых «взрослых» тем. Во время празднования годов-

Милитаризация детства порождает агрессивную «общность» людей, которым неведом трагический опыт военного поколения

Дети ВЫХОДЯТ ИЗ СТРОЯ

щины блокады я встречала сообщения родителей о том, что в школах у их детей на переменах непрерывно крутили взрослые фильмы о блокаде. И дети приходили домой как сжавшиеся комочки.

— **Люди, которые сегодня представляют войну как сплошной праздник Победы, выросли в Советском Союзе, а тогда, я помню, о войне говорили, что это повториться не должно никогда. Что в нас изменилось?**

— Тогда еще живы были старики. И своим присутствием в нашем обществе, в нашем ментальном поле они это нивелировали. Они подсказывали верную нотку. Мои родители тоже маленькими пережили войну. Иногда мама поднимала эту тему, рассказывала, что помнит, как бомбили, как они бежали... Бабушка просто поджимала губы и молчала. И я считывала, что это тяжелая тема, что не надо об этом языком трепать все. Это считывалось со стариков. Мы в этом росли. Сейчас они уходят — и этого здравомыслия становится все меньше.

— **Расцвет моды на гимнастерки для грудничков был, я помню, в 2015–2016 годах. И тогда одновременно ко Дню Победы вышли ролики в России и на Украине. У нас — под лозунгом «Можем повторить!», у них — «Больше никогда». Почему два таких близких народа с общей страшной войной в прошлом так по-разному это теперь понимают?**

— Вот, наверное, нам сейчас и нужно найти ответ на этот вопрос. Это мы с вами и должны устанавливать диалог с теми, кто считает, что «можем повторить».

— **Но людям же нужно прививать патриотизм? И, видимо, прямо с детства.**

— Я не спорю, что в детях надо воспитывать патриотизм, патриотизм — это прекрасно. Но всему свое время. Детский мозг должен быть способен переварить информацию. Не травмироваться ею, а усвоить и выработать к ней отношение. Особенность детского сознания — оно, как губка, впитывает информацию полно-

стью, не распознавая детали. Детализация приходит позднее, когда формируются психические процессы, когда у психики появляется больше возможностей для анализа. А маленькие дети беззащитны. Они полностью доверяют взрослым.

— **Какие условия и для каких чувств создают нынешние атрибуты патриотического воспитания — гимнастерки, пилотки, «можем повторить» и так далее?**

— Человеческая душа естественным образом хочет любить, проявлять благодарность родителям, семье, роду. При разрыве связей, например при ранней социализации, возникает голод. Он ищет утоления через перенос сильных чувств на разные объекты: на кумиров, на организации, на системы. От здоровой любви это отличается повышенным возбуждением, агрессией. Так формируются условия для религиозного фанатизма — или для возбужденного, исполненного агрессии патриотизма. В здоровой любви нет нездоровой агрессии. Агрессивны обычно недолюбленные дети, люди с неудовлетворенной потребностью в любви.

— **А для психики школьника это не травма — бегать на какой-нибудь «зарнице»**

Во время празднования годовщины блокады в школах на переменах крутили фильмы о блокаде. И дети приходили домой как сжавшиеся комочки

с автоматом и играть в стрельбу по другим школьникам?

— В самих по себе военных игрушках нет ничего страшного. Хотя есть и такая точка зрения: все военные игрушки надо запретить.

— **Никаких автоматов-пулеметов, а только машинки, компьютер и плюшевые медведи.**

— Это тоже крайность. То есть это, видимо, мировоззрение гуманиста, который считает, что человек не должен убивать человека. Все верно, но... Некоторые предлагают: давайте запретим вообще все, что напоминает о войне, о смерти... И мы опять впадем в крайность.

— **Из человеческой природы это ведь никаду не денешь.**

— Именно. Я здесь еще раз отмечу: все, что я говорю, относится не ко всем случаям, все очень индивидуально. Но, давая детям «страшные» игрушки, мы канализируем какие-то их потребности. Ребенку простительна импульсивность, проявление агрессии, потому что у него психика не доросла до состояния, когда можно себя контролировать. Но мы, взрослые, должны быть рядом, должны наблюдать, что именно ребенок отыгрывает, чтобы потом скорректировать.

— **Государство, как я понимаю, хочет, чтобы дети стали героями, готовыми к самопожертвованию во имя родины. А мама, надевающая на сына или дочку пилотку, должна хотеть, чтобы ребенок когда-нибудь пожертвовал собой за родину?**

— Пусть каждый родитель сам ответит на этот вопрос. Это же его ребенок, это же будущее его ребенка. Конфликт возникает там, где появляются крайности: эгоист — или постоянная жертва. А есть ведь золотая середина. Ее и надо найти.

Ирина ТУМАКОВА,
«Новая»

Когда-нибудь наш идейный стиль назовут «героическим ретросоветизмом». Но празднование славных дат — это не про то, что было, а про то, кто мы есть и что с нами будет. Трансляции 9 мая — экран, в котором полезно видеть и собственное отражение. В «дыму Победы» сейчас спутаны обрывки знания о прошлом, дефицит предметов общей гордости, перехват памяти и эксплуатация чужого подвига. Но угар полуофициального милитаризма уже зависает на фоне возврата низовой исторической памяти в мирное русло. В переживании победы вновь доминирует прекращение войны. Новые детали и нюансы теснят директивные установки.

Два акта, четыре обращения

Вклад народов и армий в победу над нацизмом — отдельная тема, но в микроистории капитуляции были свои развилки. Преемник Гитлера гросс-адмирал Карл Дёниц не верил в капитуляцию только на Западном фронте, но тянул время. Переговорщик генерал-полковник Альфред Йодль (впоследствии благополучно повешенный) не допускал и мысли «сдаться большевикам». Однако Эйзенхауэр настоял на всесторонней капитуляции, включая Восточный фронт. «Железный Дуайт» пригрозил закрыть проходы для войск и толп беженцев («Я не потерплю никаких дальнейших проволок»), и 7 мая 1945 года в 02:41 по средневропейскому времени в Реймсе состоялась «первая капитуляция».

Наш представитель генерал Иван Сулопаров не успел получить телеграмму Сталина с запретом подписывать этот документ, но догадался внести поправку о возможности нового акта. Сталин хотел более весомого представительства и процедуры на земле поверженного агрессора. В итоге на следующий день, 8 мая (9 мая по Москве), в берлинском предместье Карлсхорст был подписан окончательный акт.

Уже 7 мая в 14:27 руководящий министр имперского правительства граф фон Крозиг выступил с обращением к немецкой нации. Он говорил о вынужденности капитуляции, о суровых временах и предстоящих жертвах, о лояльности по отношению к договорам при всей тяжести их условий. Но в целом текст был почти духоподъемный, местами едва ли не антифашистский. «...Мы не смеем отчаиваться и предаваться тупой покорности судьбе. Мы должны найти путь, чтобы из этого мрака выйти на дорогу нашего будущего. Пусть тремя путеводными звездами <...> нам послужат единение, право и свобода...» И тогда «атмосфера ненависти, которая ныне окружает Германию во всем мире, уступит место примирению народов <...> и нам снова подаст сигнал свобода, без которой ни один народ не может жить прилично и достойно». «План Белля» в зародыше — если у кого-то еще свербит сочинять национальные идеи. Стилистически созвучен и приказ германским войскам о прекращении боевых действий, полный приподнятого достоинства, слов о «чести», «героизме» и упований на немецкие «дисциплину и повиновение». Саван в эполетах и аксельбантах.

Союзники со своими обращениями выступили чуть позже. Эйзенхауэр: «Неблагоразумно делать какие-либо заявления до тех пор, пока русские не будут полностью удовлетворены». Черчилль в победном обращении к нации: «Сегодня, возможно, мы больше будем думать о себе. А завтра мы должны отдать должное нашим русским товарищам, чья отвага на полях сражений стала одним из важнейших слагаемых нашей общей победы». Победа над общим врагом, пусть ненадолго, но стала победой над войной идеологий и интересов. К высотам глобальной политики относятся эти моменты, а не пошлости конструирования врага.

Обращение Сталина к народу от 9 мая 1945 года начиналось строго: «Товарищи! Соотечественники и соотечественницы!» Менее пафосно, чем знаменитое «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!». Когда народ сделал свое дело, дистанция быстро восстанавливается.

На фоне идейного воспарения немцев в нашем тексте много констатаций. Еще видна союзническая лояльность: упоминается «предварительный протокол капи-

тания торжества — ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ» был объявлен нерабочим днем. Приказ Верховного от 9 мая войскам Красной армии и ВМФ предусматривал знаменитый салют: 30 залпов из 1000 орудий. Первый Парад Победы (24 июня 1945 года) готовили полтора месяца на 40 000 участников. Фронтовики учились чеканить ритм с частотой 120 шагов в минуту. Вспомогательные полосы на земле задавали длину шага, а натянутые веревки — высоту. Покрытые специальным «зеркальным» лаком сапоги для акустики

окончания войны (официально: День траура по погибшим и мольбы за мир). У нас этой даты нет даже в списке дней воинской славы России, а 3 сентября отмечается как День солидарности в борьбе с терроризмом. Странная судьба: сначала чуть ли не приравнивали к победе в ВОВ — а потом вовсе стерли из памяти.

Пять мотиваций

Во всем этом много скрытой политики и психоистории. Хрущев отказывался

Со слезами на глазах

Александр РУБЦОВ, специально для «Новой»

Люди перестают понимать, что культ Победы и культ войны — разные вещи

туляции» в Реймсе, среди принимавших капитуляцию командование союзников стоит на первом месте. Но риторика еще добывает гидру нацизма: «Зная волчью повадку немецких заправил, считающих договор и соглашения пустой бумажкой, мы не имеем основания верить им на слово. Однако сегодня с утра немецкие войска <...> стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам. Это уже не пустая бумажка. Это действительная капитуляция Вооруженных сил Германии».

В тексте есть сильное историческое расширение: «победа над немецкими захватчиками и немецкой тиранией» увенчала «вековую борьбу славянских народов за свое существование и свою независимость». И либеральный аккорд: «Отныне над Европой будет развеяться великое знамя свободы народов и мира между народами». В тоталитарной идеологии СССР слова «свобода» и «мир» были еще в чести — не как сейчас.

Два праздника

Тихая ресталинизация питала народ-победитель иллюзией, будто День Победы после войны праздновали всегда. Затем «выяснилось», что Сталин и Хрущев 9 мая якобы вообще забыли, а настоящий праздник нам подарил Брежнев в 1965 году к 20-летию Победы.

Обе версии грешат. Указом Президиума ВС СССР от 8 мая 1945 года 9 мая как «день

были подбиты металлическими пластинами. Несмотря на ливень, парад прошел без сбоев, хотя и без авиации и колонн трудящихся. Зато перед «коробочкой» кинологов с собаками пронесли на руках в шинели Сталина дворнягу Джульбарса — сапера с необыкновенным чутьем, обнаружившего 468 мин и более 150 неразорвавшихся снарядов.

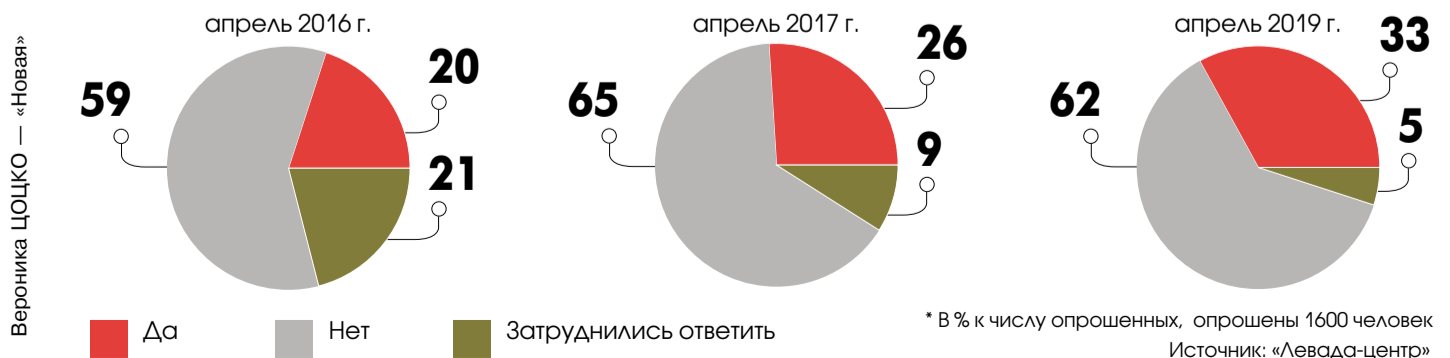
Но уже в «Известиях» от 23 декабря 1947 года ряд важных сообщений прошел в такой последовательности: о награждении орденом Трудового Красного Знамени Ореховского хлопчатобумажного комбината; о награждении Кряжимской А. П. орденом Ленина в связи с 65-летием педагогической деятельности... О постановлении Президиума ВС считать 9 мая рабочим днем, а 1 января — нерабочим.

Чуть ранее, 7 мая 1947 года, Президиум ВС уже постановил: «Считать день 3 сентября — праздник победы над Японией — рабочим днем». Кто сейчас помнит, что в 1945 году днем всенародных торжеств была объявлена еще и эта победа. До сих пор День Победы над Японией (Victory over Japan Day, VJ Day), или День Победы в Тихом океане (Victory in the Pacific Day, VP Day), отмечается в Великобритании 14 августа (дата первого анонса о капитуляции Японии) и 2 сентября в США (дата подписания финального акта и конца Второй мировой войны). Прямая аналогия с VE Day (День Победы в Европе). В Японии 15 августа — это День памяти

вернуть День Победы, считая его слишком завязанным на Сталина. Но сам Сталин не вполне воспринимал Победу своим личным торжеством. Это сейчас можно услышать, что он искупил кровавые репрессии уже тем, что «победил в войне», — за такое в 1945-м порвали бы на куски. Сейчас подтянутое начальство в состоянии выехать на Красную площадь на белом и вороном байках, но тогда Верховный свалился с лошади в манеже, готовясь лично принять парад верхом. Речь на параде не просто зачитал Жуков: на трибуне Мавзолея Сталин стоял несколько сбоку, уступив середину фронтовым генералам. Были вещи, через которые даже ему было трудно преступить. Вряд ли он решился бы возглавить колонну, если бы тогда был «Бессмертный полк».

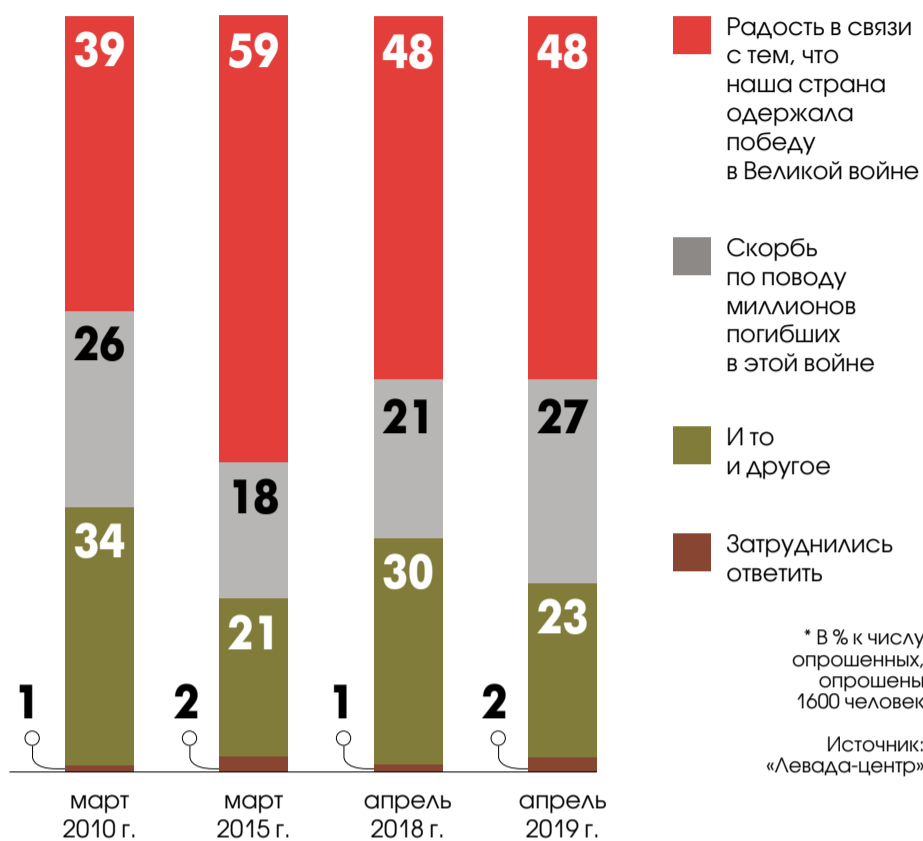
У фронтовиков, прошедших войну и видевших Европу, пусть в руинах, были большие ожидания (к вопросу о сталинской «боязни Жукова»). Война освободила освободителей, но вернувшись постепенно понимали, что концлагерь на месте и у них крадут Победу. В той атмосфере лишний раз воспевать подвиг этих людей не всем хотелось. То же со «вторым Днем Победы». При нынешней дипломатии нам точно не до военного триумфа над Японией, а разбираться в той капитуляции просто опасно. При многократном перевесе дальневосточных фронтов над Квантунской армией было глупо рассчитывать на капитуляцию страны камикадзе и харакири в стиле

Собираетесь ли вы участвовать в шествии «Бессмертный полк» 9 мая?*

Вероника ЦОЦКО — «Новая»

Какие чувства вызывает у вас День Победы?*

Как лучше всего было бы отметить этот праздник?*

Вероника ЦОЦКО — «Новая»

сэппуку. Военная стратегия «Кэцуго» капитуляции вообще не предусматривала. СССР объявил войну Японии после многолетнего моратория о ненападении 8 августа 1945 года, через два дня после бомбардировки Хиросимы и накануне удара по Нагасаки. А дальше встают вопросы о действительной роли атомных бомбардировок в мгновенной капитуляции Японии, о предотвращенных «ожидаемых потерях» и пр. Мы к этому точно не готовы. Для нас все это до сих пор не более чем меседж Трумэна Сталину.

Один праздник — один вакуум

Чтобы понять суть торжества в его нынешней ипостаси, мало разбирательства в нем самом. Важно, как та или иная дата выглядит в общей «колодке» праздников. В СССР День Победы всегда был во второй шеренге, чуть позади 1 мая и 7 ноября с их мощными демонстрациями и парадами. Символика Великой Победы держалась несколько в тени главных идеологических символов Социализма и Революции. Наша ВОСР была главной победой человечества во всемирной истории и во всей будущей перспективе. Социализм был смыслом этой всемирно-исторической победы, но и ее основанием — со всеми своими реальными и мнимыми преимуществами. Победа в ВОВ была в этом плане вторичной и далеко не единственной. Социализм побеждал ежедневно и во всех средах — в космосе, науке и технике, в вооружениях, в социальной политике, в морали и балете. У истоков всего этого эпохального величия стоял Великий Октябрь, открывший обалдевшему человечеству путь к коммунизму.

Нынешнее гордое одиночество Дня Победы в отсутствие других хоть сколько-нибудь соразмерных праздников говорит только о его удельном весе в государственной символике и об идеологической пустоте вокруг. Потребность идеологии в героике и возвышенном символизме нарастает, но ничего другого нет. Отсюда столько официальной радости и пестрого декора — не в пример маю 1945-го. В проникновенном «со слезами на глазах» почти не осталось слез горя, но и слезы радости отдают наведенной сентиментальностью.

Чем дальше от той, настоящей Победы, тем меньше настоящего чувства, но больше пафоса, декорации, пышных торжеств, инсталляций и флешмобов.

Во всех этих постановках с трудом верится, что их актеры, да и зрители хотя бы в первом приближении понимают, как та война «гнула и косила». «Пришел конец и ей самой» — от этого почти ничего не осталось. «Бери шинель» — и снова на войну, пусть игрушечную. Печальная, страшная эволюция от «Лишь бы не было...» до «Можем повторить!». Девочки с белыми бантами и с калашниковыми наперевес, младенцы в гимнастерках и пилотках. На очереди новорожденные с фронтовыми медалями и георгиевскими ленточками вместо розовых и голубых. Люди перестают понимать, что культ Победы и культ войны — разные вещи! Квинтэссенция этого духа страшна: «Нам нужна одна война, и мы за цену не постоим!»

В нашей культуре особой разоблачительной силой обладает кинематограф. Сейчас из картин о войне выпаривается жизнь, а с ней и сам человек — настоящие живые люди, а не опаленные манекены. Во всех этих танковых блокбастерах зритель болеет за героев, почти как за баскетболистов «Движения вверх». Связанное с этим вставание с колен больше похоже на подпрыгивание. Война становится зрелищем, с трудом отличимым от спорта. В технически формируемом постмодернистском сознании картины войны уподобляются безобидным реконструкциям и компьютерным «стрелялкам». Вопреки недавним откровениям хэппенинг с «Пламенеющей готикой» не имеет отношения к горению Нотр-Дама, но реконструкции штурмов и сражений реально строят сознание и могут многому реально способствовать. Не просто создается впечатление, что война безобидна, — в информационном постмодернизме и в логике постправды обывателю начинает казаться, что войн не бывает вообще.

Оптика постмодерна: войны нет

Жан Бодрийяр вошел в историю практической философии в том числе сборкой трех эссе, опубликованных во

французской Liberation и в британской The Guardian и составивших основу книги «Войны в Заливе не было». Речь идет об информационных муляжах и симулякрах, ставящих вопрос о том, можно ли называть события 1991 года в Персидском заливе войной в собственном и строгом смысле этого слова. В отношении текущих событий у нас теперь формула та же, но смысл прямо противоположный. Мы, наоборот, ведем самые настоящие регулярные боевые действия, но войной их не называем. Нет стратегии и тактики, военного планирования и менеджмента, нет военнослужащих, техники, потерь. В этом плане и здесь «войны нет», хотя...

Это настраивает. Впервые в истории наблюдений за анимациями про наши ВКС поражает сама диспозиция: не летящие на нас вражеские боеголовки, сбиваемые ПВО, а поражаемые объекты на узнаваемой территории потенциального противника. Лучшая оборона — бить первым, если иначе никак. Будто планета — это очень большой двор с невменяемыми пацанами. Вектор незаметно сменился на противоположный. Напоминает любимый анекдот Юрия Никулина о том, как на полпути над океаном встретились две ракеты, советская и американская: наша угостила подругу «на дорожку», а потом по-свойски предложил: «Я тебя домой провожу».

Но есть и совершенно другая этика, в которой тоже «войны не было». В кинематографе это дух таких фильмов, как «Баллада о солдате», «Летят журавли», «Не забудь... станция Луговая». Фильмы про жизнь во время войны — совсем не то, что возвращать войну во время жизни. Сейчас невозможно даже близко представить себе захватывающий фильм о войне без лязга железа и без единого выстрела — о людях. Это невозможно в том числе потому, что люди в этой логике не более чем потенциально безымянный груз 200.

Крикливость новых наследников Победы происходит от невроза пустоты. Когда вдруг обнаруживается, что в идеологии свято место пусто, его начинают заполнять последним, что осталось, и это последнее оставшееся раздувают до габаритов пустоты. Это несколько не снижает и не умаляет памяти и морально-политического значения Победы, но это говорит о размерах вакуума, а главное, об

отсутствии других хоть сколько-нибудь соразмерных тем в альтернативе войны и мира.

Главная проблема для власти в том, что сейчас это заполнение тоже перестает работать. Война всегда есть что-то внешнее для жизни, и в этом смысле она тяготеет к внешней политике, но не только потому, что воюют обычно с внешним врагом. Сейчас, как показывают исследования команды Михаила Дмитриева под эгидой КГИ, «локус контроля» меняется с внешнего на внутренний. Внутренние проблемы в актуальных интересах людей начинают доминировать над внешними, а следовательно, сколь угодно героические военные игры идеологии и пропаганды уже сейчас заметно меньше значат, чем убогая повседневность. Типично нарциссический перенос индивидуальных комплексов на грандиозность и всемогущественность политического целого начинает в сознании и бессознательном социума волшебным образом самоизлечиваться. Постепенно уходит заикленность на себе, самолюбование на фоне прошлых и чужих побед, болезненная нетерпимость к критике, всплески нарциссической ярости.

Такое самоизлечение, в принципе, не только возможно, но и неизбежно — даже из общих соображений. Злокачественные патологии в социумах не бывают вечными. Как-то на записи «Тем временем» я сказал, что мечтаю, когда на Лубянку можно будет вернуть Дзержинского: это означало бы, что наследия ВЧК—ОГПУ—НКВД—МГБ—КГБ и пр. в нашей жизни больше нет, и удивительно точная железная вертикаль может стать необходимым фактом городского пространства, но не текущей политики. Точно так же можно мечтать, когда бывшие республики СССР и страны соцлагеря начнут сами восстанавливать памятники нашим воинам-освободителям и носить туда цветы. Это было бы лучшей памятью об СССР и лучшим посланием всем народам страны-победителя. Но это зависит от нас.

Автор — руководитель Центра исследований идеологических процессов Института философии РАН

ПОБЕДА — ЭТО ВРЕМЯ ПОСЛЕ БЕДЫ

И она не освобождает
от нажитого горя

У слова «горе» я не знаю множественного числа, только всеобъемлющее: прекращение твоей единственной, непрожитой до конца жизни; гибель фронтовых друзей; неспасаемые физические и душевные увечья нескольких поколений; смерть отцов, матерей, братьев, мужей, жен; невинные граждане, от новорожденных детей до стариков, убитые при обстрелах, бомбежках, при штурмах или оборонах; тысячи и тысячи беспризорных судеб на просторах родины; безногие и безрукие, слепые и контуженные вчерашние герои, а сегодня отработанный государством человеческий материал, вскоре после 45-го убранный со своих досками на подшивниках с улиц возрождающихся городов, чтоб не мешали забыть, ЧТО такое война.

Ну так люди, хоть и коротка человеческая память, не забывали. И за скудными послевоенными столами (не потому, что читали в газетах призывы, а потому, что по-человечески примерили на себя масштаб катастрофы) проклинали войну и пили за мир. За Победу пили, отколупывая засургученные бумажные колпачки у поллитровок по 21 р. 20 коп., потому что на победе закончилась война. И вот прошло чуть не семь с половиной десятков лет с ее окончания, и злобное (признаюсь в нехорошем) чувство, вызванное страшной всепоглощающей фальшью, накачивает на меня перед каждым современным 9 Мая.

Патриотическое фанфаронство заливают страну в святой и трагический этот день. Грохочут никому не нужные военные парады, дорожные и бессмысленные. Они ничего не добавляют в образ нашей, какой есть, жизни, кроме грохота и телевизионных восторженных истерик, которые тоже не больше чем шум, и никого не пугают из противников, кроме самого главного и самого безопасного — собственного народа. А он и не пугается, он радуется, что у нас есть ракета, которая убьет американца, например, в тот момент, когда сам он будет убит изделием Америки.

Праздник окончания войны постепенно перевели в состояние торжественного и самодовольного ожидания новой, окончательной для всех боины.

С восторгом! С ряжеными якобы ветеранами, закованными в какие-то

значки и муляжи орденов, с якобы народными гуляньями, непонятно почему такими веселыми при потере десятков миллионов человек... Был, правда, замечательный, достойный Дня (пока его не перехватило государство) человеческий марш «Бессмертный (забытый, впрочем, на долгие годы) полк», теперь постепенно превращающийся из самодеятельного движения в планируемую политическими стратегиями акцию. Портрет царя уже носили, может, и Кобу понесут. Убитые и потерянные благодарным государством, которое они защищали, честные люди и убийцы в одном строю — это, по-нашему, празднично.

Хочется сплотить народ перед популяризируемой государственной пропагандой угрозой новой войны? Не надо. Он уже сплочен. Он забыл, что День победы — это время после беды. Он играет в одной команде с партией и правительством: цепляет на себя георгиевские ленточки, которые надо было заслужить, и голосует за сильную власть, которая ему эти ленточки за примерный (ну в смысле приблизительный) патриотизм рекомендует носить.

В магазине посуды на Покровке покупателя встречает плакатик: «Купившему товар свыше 1000 руб. — георгиевская ленточка бесплатно!»

Выхожу на улицу и вижу роскошный и технически безупречный «Порш Кайен» с надписью на заднем стекле: «Можем повторить!»

Что ты, придурок, можешь повторить? Ну повтори! Хоть тормозную колодку от этого немецкого автомобиля, хоть запасное колесо...

Или ты имеешь в виду то, с чего мы начали эту заметку?

Ветер над пустыней, которая была нашей родиной, развеет твой пепел, пепел от твоего автомобиля и от моего, увы, и от танков, бронемашин, ракет и их расчетов и прочего армейского набора самоуничтожения... И пепел тех, кто управлял смертью, и тех, кто им приказал умертвить всех нас, тоже будет развеян...

Так что сотри надпись и запомни: 9 Мая — праздник окончания войны. Значит — День мира.

Юрий РОСТ,
«Новая»

Редакторы номера: Р. Дубов, А. Полухин, В. Ярошевский

www.novayagazeta.ru

Наш адрес
в интернете:
NovayaGazeta.Ru

НОВАЯ
ГАЗЕТА

РЕДАКЦИЯ

Сергей КОЖУРОВ (главный редактор)

Редакционная коллегия:
Роман АНИН (редактор отдела расследований),
Ольга БОБРОВА (зам главного редактора),
Руслан ДУБОВ (ответственный секретарь),
Александр ЛЕБЕДЕВ (зам главного редактора),
Андрей ЛИПСКИЙ (зам главного редактора),
Лариса МАЛЮКОВА (обозреватель),
Кирилл МАРТЫНОВ (редактор отдела политики и экономики), Константин ПОЛЕСКОВ (шеф-редактор WEB-редакции),
Алексей ПОЛУХИН (зам главного редактора),
Надежда ПРУСЕНКОВА (пресс-служба),
Георгий РОЗИНСКИЙ (зам главного редактора),
Юрий РОСТ (обозреватель),
Петр САРУХАНОВ (главный художник),
Сергей СОКОЛОВ (зам главного редактора),
Ольга ТИМОФЕЕВА (редактор отдела культуры),
Виталий ЯРОШЕВСКИЙ (зам главного редактора)

Обозреватели и специальные корреспонденты:
Илья АЗАР, Юрий БАТУРИН,
Борис БРОНШТЕЙН, Дмитрий БЫКОВ,
Борис ВИШНЕВСКИЙ, Александр ГЕНИС,
Ирина ГОРДИЕНКО, Павел ГУТИОНОВ,
Елена ДЬЯКОВА, Вячеслав ИЗМАЙЛОВ,
Павел КАНЬГИН, Елена КОСТЮЧЕНКО,
Алиса КУСТИКОВА, Юлия ЛАТЫНИНА,
Елена МАСЮК, Елена МИЛАШИНА,
Владимир МОЗГОВОЙ,
Галина МУРСАЛИЕВА, Ирек МУРТАЗИН,
Леонид НИКИТИНСКИЙ,
Ирина ПЕТРОВСКАЯ,
Алексей ПОЛИКОВСКИЙ,
Вячеслав ПОЛОВИНКО, Юлия ПОЛУХИНА,
Елена РАЧЕВА, Ким СМЕРНОВ,
Андрей СУХОТИН, Алексей ТАРАСОВ,
Слава ТАРОШИНА, Марина ТОКАРЕВА,
Ирина ТУМАКОВА, Павел ФЕЛЬГЕНГАУЭР,
Арнольд ХАЧАТУРОВ, Олег ХЛЕБНИКОВ,
Вера ЧЕЛИЩЕВА, Наталья ЧЕРНОВА,
Ян ШЕНКМАН, Роман ШЛЕЙНОВ

Отдел мультимедиа «Новая студия»:
Анна АРТЕМЬЕВА, Влад ДОКШИН,
Виктория ОДИССОНОВА

Собственные корреспонденты:
Надежда АНДРЕЕВА (Саратов),
Татьяна БРИЦКАЯ (Мурманск),
Мария ЕПИФАНОВА (страны Балтии и Северной Европы),
Иван ЖИЛИН (Урал),
Сергей ЗОЛОВКИН (Гамбург),
Александр МИНЕЕВ (Брюссель),
Ольга МУСАФИРОВА (Киев),
Александр ПАНОВ (Вашингтон),
Нина ПЕТЛЯНОВА (Санкт-Петербург),
Юрий САФРОНОВ (Париж),
Ирина ХАЛИП (Минск),

Группа выпуска:
Анна ЖАВОРОНКОВА, Алексей КОМАРОВ,
Татьяна ПЛОТНИКОВА (билд-редакторы),
Оксана МИСРОВА, Надежда ХРАПОВА,
Вероника ЦОЦКО (технические редакторы)

WEB-редакция:
Антон ВШИВЦЕВ, Мария ЕФИМОВА,
Юлия МИНЕЕВА (заместитель шеф-редактора),
Елизавета КИРПАНОВА,
Роман КОРОЛЕВ, Глеб ЛИМАНСКИЙ,
Надежда МИРОНЕНКО, Анастасия ТОРОП

ИЗДАТЕЛЬ

ЗАО «Издательский дом «Новая газета».
Председатель Совета директоров
и директор издательства —
Дмитрий МУРАТОВ

ДИРЕКЦИЯ

Алексей ПОЛУХИН (генеральный директор ЗАО «ИД «Новая газета»),
Владимир ВАНЯКИН (заместитель генерального директора),
Михаил ЗАЙЦЕВ (распространение),
Владимир ВАНЯКИН (управление делами), Ирина ДРАНКОВА,
Елена СЕДОВА (бухгалтерия),
Наталья ЗЫКОВА (персонал),
Ангелика ПОЛЯКОВА (реклама),
Ярослав КОЖЕВНИКОВ (юридическая служба), Валерий ШИРЯЕВ (заместитель директора)

Пресс-служба:
Надежда ПРУСЕНКОВА

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Потаповский пер., д. 3, Москва, 101000.
Пресс-служба: 8 495 926-20-01
Отдел рекламы: 8 495 621-57-76,
623-17-66, reklama@novayagazeta.ru
Отдел распространения: 8 495 648-35-02, 623-54-75
Факс: 8 495 623-68-88.
Электронная почта: 2019@novayagazeta.ru
Подписка на электронную версию газеты:
zajcev@novayagazeta.ru

Подписные индексы:
32120, П1721, 99202 (для физических лиц без льгот)
34329, П1856, 10840 (для физических лиц с льготами)
40923, П1857, 99436 (для предприятий и организаций)

Газета печатается во Владивостоке, Екатеринбурге, Москве, Рязани, Санкт-Петербурге, Зарубежные выпуски: Германия, Казахстан

Общий тираж — 121 800 экз.

Тираж сертифицирован
Novayagazeta.Ru — 16 000 000 просмотров за апрель.

Материалы, отмеченные знаком ©, печатаются на правах рекламы.

«Новая газета» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-24833 от 04 июля 2006 г.
Учредитель и издатель: ЗАО «Издательский дом «Новая газета». Редакция:
АНО «Редакционно-издательский дом «Новая газета». Адрес: Потаповский пер., д. 3, Москва, 101000.

© ЗАО «ИД «Новая газета», АНО «РИД «Новая газета», 2019 г.
Любое использование материалов, в том числе путем перепечатки, допускается только по согласованию с редакцией. Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель. Рукописи и письма, направленные в Редакцию, не рецензируются и не возвращаются. Направление письма в Редакцию является согласием на обработку (в том числе публикацию в газете) персональных данных автора письма, содержащихся в этом письме, если в письме не указано иное.

Срок подписания в печать по графику: 19.30, 07.05.2019 г.
Номер подписки: 19.30, 07.05.2019 г.
Отпечатано в ЗАО «Принт Москва». Адрес: 141700, МО, г. Долгопрудный, Лихачевский проезд, д.5В. Заказ № 1256. Тираж — 27 600 экз. Общий тираж — суммарный тираж московских и региональных выпусков за неделю. Цена свободная.